

ЭЛИЗАБЕТ
ДЖОРДЖ

ГРАНИ ВОДЫ

ЛИШЬ ШЕПОТ ВОЛН
РАЗБУДИТ ДРЕВНЮЮ ЛЕГЕНДУ...

Элизабет Джордж
Грани воды
Серия «Generation Z»
Серия «Остров Уидби», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17964305
Грани воды: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-83128-9

Аннотация

На острове Уидби вновь происходят загадочные события, не дающие покоя обитателям. Возвращение Неры, угольно-черного тюленя, привлекло на остров толпы журналистов, не нравящихся местным жителям. Напряжение нарастает, и Бекка Кинг опять оказывается втянута в неприятности, ведь и ей есть что скрывать. Ее необычайные способности все усиливаются, но ей оказывается не с кем разделить тревоги.

И кто такая эта неизвестная никому молчаливая девушка, найденная на берегу?
Впервые на русском языке!

Содержание

Часть 1. Перевал обманов	5
Мир Силлы	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Часть 2. Леса Саратоги	43
Мир Силлы	43
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Элизабет Джордж Грани воды

Elizabeth George
The Edge of The Water

Copyright © Elizabeth George, 2012.

© Черезова Т., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

*Гэйл Цукьяме, обожжаемой младшей сестре, которая сказала
слово, подарившее мне эту историю*

*Все делал я, заботясь о тебе,
(Тебе, бесценная, тебе, о дочь!),
Но ты не ведаешь, кто ты...¹*

Уильям Шекспир «Буря»

¹ Перевод М. Н. Бычкова.

Часть 1. Перевал обманов

Мир Силлы

К родителям я попала в возрасте двух лет, и единственные мои воспоминания от того периода, который предшествует воспоминаниям о них, похожи на сны. Меня несут. Поблизости вода. Мне холодно. Кто-то бежит со мной на руках, так крепко прижав мою голову к своему плечу, что мне больно от каждого его шага. И я знаю, что это «он» – по тому, как он меня держит. Ведь мужчинам инстинкт не подсказывает, как надо держать малышей.

Стоит ночь – и я помню огни. Помню голоса. Помню, как дрожу от страха и холодной влаги. А потом меня заворачивают во что-то теплое, моя дрожь унимается – и я засыпаю.

После этого, в другом обрывке сна, я вижу себя в другом месте. Какая-то женщина говорит мне, что теперь она – мама, и указывает на мужчину, чье лицо нависает надо мной, и он говорит, что теперь он папа. Но они не мои родители, и никогда ими не будут – точно так же, как те слова, которые они произносят, – это не мои слова и никогда моими не будут. Это и стало источником моих проблем.

Я не разговариваю. Я только хожу, указываю и наблюдаю. Я как-то выживаю, делая то, что мне велят. Но я боюсь того, чего другие дети не боятся.

Больше всего я боюсь воды, и это становится проблемой с самого начала. Дело в том, что я живу с этими мамой и папой в доме, который стоит высоко над обрывом, высоко над многими милями воды, и из окон этого дома я вижу только воду. Из-за этого мне хочется прятаться в доме, вот только ребенку так нельзя: положено ходить в церковь, проводить время с родными и, когда ребенок становится взрослее, записаться в школу.

Я всего этого не делаю. Я стараюсь это делать, и мама и папа пытаются заставить меня это делать, и другие тоже пытаются. Но все мы терпим неудачу.

Вот почему в конце концов я оказываюсь далеко, в таком месте, где нет воды, которая бы меня окружала. Меня трогают люди. Они меня тыкают и теребят. Они разговаривают так, как будто меня здесь нет. Они смотрят видеозаписи со мной. Они демонстрируют мне картинки. Они задают мне вопросы. Пока все это происходит, я слышу: «Так *сделайте* же что-нибудь с ней – для этого мы ее и привезли!» Эти слова ничего мне не говорят, но по тому, как они звучат, я распознаю в них прощание.

И я остаюсь в этом безводном месте, где обучаюсь тем элементарным вещам, которые принято считать жизнью человека. Я научилась приводить себя в порядок и есть сама. Но больше ничего. Дайте мне простое задание – и я смогу его выполнить, если мне точно покажут, что именно надо делать. Из этого всем становится понятно, что с моей памятью все в порядке. Однако это – единственное, что удастся понять. В результате меня называют загадкой. Говорят, надо радоваться, что я хотя бы могу ходить, сама ем и привожу себя в порядок. Говорят, это уже повод ликовать.

И вот в конце концов меня возвращают тем маме и папе. Кто-то объявляет: «Тебе уже восемнадцать лет. Здорово, правда?» Хотя эти слова ничего для меня не значат, по ним я понимаю, что что-то изменится. Итак, остается только поездка куда-то на машине холодным январским днем на праздничный пикник по поводу моего возвращения домой.

Мы едем в парк. Дорога туда занимает, похоже, очень много времени. Мы переезжаем высокий мост, и мама объявляет: «Закрой глаза, Силла! Внизу вода!» Я так и делаю, и скоро мост уже остается позади. Мы заезжаем в деревья, которые возносятся в небо, и спускаемся все ниже и ниже по петляющей дороге, покрытой опавшими иголками, которые кедровые деревья роняют в зимние ураганы.

В конце дороги – место для машин. Там же стоят столики для пикника. Мама говорит: «Что за день для пикника! Сходи к берегу, Силла, пока я все приготовлю. Я знаю, как ты любишь смотреть на берег».

Папа говорит: «Угу. Пошли, Силл». Он шагает к густым зарослям кустов с блестящими листьями, которые растут под деревьями. Следом за ним я выхожу к тропинке, которая идет через них. Там оказывается дорожка из песка и земли. По ней мы проходим под кедрами и елками, огибаем заросли папоротника и валуны – и наконец оказываемся на берегу.

Я не боюсь берегов – только воды, которая идет по их краю. Сами берега я обожаю: их соленый запах и толстые ползучие змеи водорослей, перемещающихся по ним. Здесь есть плавник, выглаженный водой. Здесь есть огромные камни, по которым можно карабкаться. Здесь высоко парит орел, здесь орет чайка, и дохлый окунь лежит на жестком холодном солнце.

Я останавливаюсь рядом с рыбой. Я нагибаюсь, чтобы ее осмотреть. Я наклоняюсь ниже, чтобы ее понюхать. От едкой вони у меня режет глаза.

Чайка снова орет – и орел издает крик. Он то опускается, то взмывает выше, и я слежу за его полетом взглядом. Он летит на север и исчезает за деревьями.

Я смотрю, не вернется ли он – но птица улетела. Как я замечаю, исчез и папа, который вывел меня через деревья на берег. Он остановился там, где дорожка встретила с песком. Он сказал: «Пожалуй, посмолю палочку, от которой бывает рак. Не рассказывай Нашей самой главной, ладно, Силл?» – а я молча пошла дальше. Наверное, он вернулся к машине за обещанным пикником, и теперь я одна. Мне не нравится одиночество и близость воды. Я поспешно возвращаюсь туда, где стоит машина.

Но она тоже исчезла, как и папа. И мама тоже исчезла. На том месте, где должны были устроить пикник, на сером, поросшем лишайниками столе под деревьями остались только две вещи. Одна – это сэндвич, завернутый в пленку. Вторая – маленький чемодан с колесиками.

Я подхожу к этим предметам. Я осматриваюсь. Я вижу, я наблюдаю, я указываю пальцем, как обычно. Но тут нет никого, кто бы мне ответил.

Здесь – где бы оно ни было, это «здесь» – я одна.

Глава 1

Когда кто-нибудь говорил: «Деньги – это еще не все», Дженн Макдэниелс сразу знала об этом человеке две вещи. Во-первых, он никогда не был бедным. Во-вторых, он ни малейшего понятия не имел о том, каково это – быть бедным. Дженн была бедна – она была бедной все свои пятнадцать лет, так что имела очень даже хорошее понятие о том, что приходится делать, если у тебя нет денег. Ты покупаешь одежду в секонд-хенде, ты готовишь странные блюда из просроченных продуктов, а когда тебе подворачивается нечто такое, что обещает хотя бы крошечную долю вероятности сбежать от занавесок из простыней и жизни, где все достается тебе из вторых рук, ты делаешь все, чтобы это получилось.

Именно этим она и занималась в тот день, когда в ее жизнь въехала Энни Тэйлор. Даже если бы состояние очень недурной серебристой «Хонды Аккорд» не сказало Дженн, что Энни Тэйлор на остров Уидби занесло случайно (Господи, эта машина была даже чисто вымыта!), то она поняла бы это по номерам штата Флорида. Как и по модному наряду Энни Тэйлор, и весьма стильной стрижке рыжих волос. Энни вышла из машины, уперла руку в бок и спросила у Дженн:

– Это Позешн-пойнт, так?

При этом она хмуро посмотрела на полосу препятствий, которую Дженн устроила в конце подъездного пути.

Эта полоса препятствий и была для Дженн тем крошечным шансом сбежать от занавесок из простыней и подержанных вещей. А еще она была ее шансом вообще сбежать с острова Уидби. Полоса состояла из крышек от мусорных контейнеров, сломанных сидений для унитаза, погнутых ведер, поплавков и разорванных спасательных жилетов: они служили заменой разметочных конусов, которые для тренировок использовал бы любой другой подросток – типа, подросток с деньгами. Она собиралась как минимум час водить мяч по полосе препятствий. До набора игроков в женскую сборную острова оставалось несколько месяцев – и Дженн была твердо намерена попасть в команду. Центральный полузащитник! Блестящая девица с потрясающей скоростью! Ловкость просто невероятная! Ее будущее обеспечено! Университетская стипендия, я иду к тебе... Только сейчас дорогу ей преградила машина Энни Тэйлор. Или, может, это Дженн преградила дорогу Энни – как посмотреть.

Дженн подтвердила – ага, это Позешн-пойнт – однако не стронулась с места, чтобы Энни смогла ехать дальше. Откровенно говоря, она не видела, с чего бы ей это делать. Эта рыженькая явно оказалась здесь случайно, и если уж ей приспичило полюбоваться видом – который ничего особенного из себя не представляет, – так пусть топает к воде на своих двоих.

Дженн повела футбольный мяч к сломанной крышке от унитаза, делая обманные движения и финты. Она хитро уворачивалась, чтобы обмануть своих соперников. Она как раз собралась провести мяч мимо крышки мусорного бака, когда Энни Тэйлор ее окликнула:

– Эй! Извини! Ты мне не поможешь?.. Я ищу Брюса Макдэниелса.

Дженн остановилась и бросила на нее взгляд через плечо. Энни добавила:

– Ты его знаешь? Он вроде бы здесь живет. У него для меня ключ. Кстати, я – Энни Тэйлор.

Дженн вздохнула и подхватила мяч. Брюса она знает, еще бы. Брюс – ее папа. Когда она в последний раз его видела, он пробовал пять разных сортов домашнего пива – на веранде, несмотря на февральский холод. Все пиво он выставил на перилах, чтобы «полюбоваться шапкой», прежде чем выдуть. Он варил пиво в сарае на участке – и всегда запирали его надежнее любого банковского сейфа. Когда он не занимался варкой, то тайком продавал ее резуль-

таты. А когда он не занимался этим, то продавал наживку тем рыбакам, которым хватило храбрости пришвартовать свой катер к его шаткому причалу.

Когда Энни Тэйлор заговорила про ключ, Дженн первым делом подумала, что ее папа вручает свой сарай – пивоваренный сейф – незнакомке. Но тут Энни пояснила:

– Тут ведь есть жилой автоприцеп, так? Я в него вселяюсь. Тот человек, у которого я его арендую, – Эдди Беддоу? – сказал, что Брюс передаст мне здесь ключ. Так он там?

Она указала за полосу препятствий. Дженн кивнула, но про себя подумала, что Энни, наверное, говорит о каком-то другом прицепе, потому что жить в развалюхе, которая стоит неподалеку от их дома, сколько Дженн себя помнит, просто невозможно.

Энни сказала:

– Отлично. Так что ты не возражаешь?.. Можно?.. Ну, можно мне убрать все это?

Дженн начала ногами сталкивать препятствия на обочину. Энни подошла помогать, оставив двигатель включенным. Она оказалась высокая... впрочем, поскольку в Дженн было всего метр шестьдесят четыре, для нее почти все оказывались высокими... А еще у нее была масса веснушек. На ней была одежда, которую, похоже, купили по дороге на остров в Беллвью: облегающие джинсы, сапоги, свитер с высоким воротником, теплая куртка, шарф. Она словно сошла со снимка, рекламирующего сельскую жизнь в штате Вашингтон – вот только все это было слишком уж хорошо подобрано, чтобы такое носил настоящий сельский житель. Дженн невольно стало любопытно, что здесь делает эта Энни Тэйлор – если, конечно, не находится в бегах.

Держа мяч под мышкой, она пошла за машиной Энн в сторону прицепа, решив, что ее реакция при виде этой развалюхи будет поинтереснее обводки.

«Ох!» – вот что было написано у Энни Тэйлор на лице, когда Дженн ее догнала. И этот ох не был частью «Ох, как круто!». Скорее, это был ох из «Ох, господи, ну я и попала!».

Она вышла из машины и стояла, остолбенев: все ее внимание было сосредоточено на единственном домике на колесах, находящемся поблизости.

– Это... э... он? – спросила она, глядя на Дженн.

– Крутой, да? – саркастически отозвалась Дженн. – Если ты увлекаешься черной гнилью и плесенью, то ты по адресу.

– Позешн-пойнт, – проговорила Энни в основном для самой себя. А потом снова обратилась к Дженн: – Это... всерьез? То есть – это он и есть? Но ты ведь не живешь здесь тоже, да?

Энни осмотрелась, но, конечно, не увидела ничего такого, что изменило бы ее мнение об этом унылом месте.

Дженн указала на свой дом, стоявший чуть дальше и ближе к воде. Здание было старым, но в чуть лучшем состоянии, чем автоприцеп. Оно было из серых досок, с сомнительного качества крыши, а сразу за ним, на краю воды, покосившийся сарай для наживки нависал над причалом. Казалось, будто обе эти конструкции поднимаются из груд плавника, кучи старых сетей и массы разных разностей, от перевернутых алюминиевых лодок до стоящих торчком унитазов.

Пока Энни озирала все это, отец Дженн, Брюс, вышел из дома и спустился по шатким ступеням крыльца.

Он окликнул приезжую:

– Вы – Энни Тэйлор?

Без всякого энтузиазма Энни отозвалась:

– Значит, вы – мистер Макдэниелс.

– Пред вами собственной персоной, – заявил он.

– Э... это здорово, – сказала Энни, хотя ее запинка совершенно ясно говорила об обратном.

Дженн не особо ее в этом винила. Скорее всего, Энни Тэйлор никогда в жизни не встречала никого, кто походил бы на Брюса Макдэниелса. Ему нравилось быть личностью с большой буквы «Л», и он намеренно подчеркивал все, что заставляло его казаться эксцентричным. Его седые волосы в стиле Бенджамина Франклина были ему до плеч. Лысину размером с суповую миску он прикрывал вязаной лыжной шапочкой из секонд-хенда, на которой была надпись «ЛЫЖНЯ СКВо-ВЭЛЛИ», хотя он ни разу в жизни не вставал на лыжи. Он был в отвратительной форме: худой, как скелет, – за исключением живота, который вылезал из брюк и обычно придавал ему вид беременного.

Запустив руку в карман, он объявил:

– А вот и ваш ключ.

В эту секунду входная дверь снова распахнулась – и оттуда выбежали два маленьких братца Дженн.

– А это еще кто? – спросил Пети.

– Пап, он сожрал чертов хот-дог, который на ужин! – крикнул Энди. – Дженни, скажи ему! Ты же слышала, что мама говорила!

– Прекратите, короеды! – радостно откликнулся Брюс Макдэниелс. – Это Энни Тэйлор, наша новая соседка. А это, Энни, порождения чресл моих: Дженнифер, Пети и Энди. К слову, Дженн – это та, с футбольным мячом.

Он захохотал, словно радуясь удачной шутке, хотя из-за короткой стрижки и отсутствия выпуклостей Дженн не один раз принимали за мальчишку.

Энни вежливо сказала, что рада со всеми ними познакомиться, после чего Брюс торжественно вручил ей ключ от прицепа. Он сообщил ей, что только этим утром как следует смазал замок и что она убедится: домик в превосходном состоянии и внутри все работает.

Судя по лицу Энни, она в этом усомнилась, но взяла ключ, пробормотав:

– Ну, и чудесно.

Решительно расправив плечи, он отперла дверь, заглянула в нее и сказала:

– О господи!

Она выскочила наружу еще быстрее, чем зашла. Адресовав любопытствующим Макдэниелсам улыбку, она начала разгружать багажник. Все коробки оказались аккуратно заклеенными и надписанными. У нее был компьютер и принтер. И несколько великолепных чемоданов. Она начала затаскивать все внутрь, оставляя сразу за дверью.

Никто из Макдэниелсов и не подумал ей помочь – но разве их можно было за это осудить? Ведь никто ни на секунду не поверил в то, что она тут сможет продержаться хотя бы одну ночь.

* * *

Дженн избегала Энни в течение первых суток ее пребывания на берегу – в основном от стыда. Через три часа после того, как Энни завершила разгрузку машины, мама Дженн вернулась домой на рычащем «Субару Форестере», который работал в качестве такси Южного Уидби. Все эти три часа Брюс Макдэниелс продолжал всесторонний эксперимент по оценке качества своей пивоваренной продукции, и когда мама Дженн вышла из «Субару» и устало поплелась к дому, он приветствовал ее радостным кличем:

– Ке-ке-ке Кэти! Моя пре-лест-ная Кэти!

Он бросился ее встречать, пал на колени и запел во весь голос, а мама Дженн воскликнула:

– Как ты мог! Опять!!! – и тут же разрыдалась.

Испытывая мучительное унижение, Дженн забилась к себе в комнату, мечтая, чтобы оба ее родителя исчезли, прихватив с собой Энди и Пети.

В окно она подглядывала за Энни Тэйлор, которая время от времени выходила из домика на колесах – то чтобы занести в дом дрова для печурки, которая его обогревала, то чтобы пройтись по заваленному плавником берегу. Во втором случае она прихватила с собой бинокль и, устроившись на узловатых корнях вынесенного на берег дерева, стала осматривать поверхность воды. Сначала Дженн решила, что она хочет посмотреть на местных косаток. Эти морские хищники заплывали в пролив в любое время года, а семьдесят животных обитали в стокилометровой зоне вокруг острова Уидби. Дженн считала их единственными заслуживающими интереса обитателями моря.

Когда Энни вышла на берег в третий раз, она вынесла фотоаппарат со штативом. Тут Дженн решила, что она, наверное, занимается фотоохотой – и спросила об этом отца за завтраком утром, на следующий день после приезда Энни. Остальные к этому времени еще не вставали. На улице стоял страшный мороз, и, как обычно, в доме было ненамного теплее. Видимо, все остальные члены семьи сочли за лучшее переждать холод под одеялами, однако дождя не было, а в хорошую погоду следовало устроить забег, что Дженн и намеревалась сделать. Правда, оставался еще вопрос об Энни...

– Понятия не имею. – Таков был ответ Брюса относительно этой молодой особы и фотографии. – Мое дело – получить арендную плату, а интересуется меня только, будет ли она шуметь по ночам и не распугает ли селенок в запруде с наживкой. Если хочешь узнать еще что-то, спроси у Эдди. Что до меня, то неведение – это б-л-а-г-о. – Все это время он читал номер «Хроники Южного Уидби» недельной давности, а тут поднял глаза, отметил наряд Дженн и, когда она с ним попрощалась, спросил:

– Куда тебя понесло, Дженн?

– Спринт, – ответила она. – Скоро набор. Женская сборная острова. Ну, ты понимаешь.

– Бога ради, поосторожнее на дороге. Там гололед, и если ты сломаешь ногу...

– Не сломаю, – пообещала она.

На улице она начала разминку, используя ступеньки и перила крыльца. В холодном воздухе ее дыхание работало, словно увлажнитель воздуха.

Со стороны прицепа донесся громкий стук – и на улицу вылетела Энни Тэйлор. На ней было надето столько слоев одежды, что Дженн удивилась, как ей удастся двигаться так быстро. Направившись к поленнице, она набрала охапку.

– Тупизм, идиотизм, кретинизм... Полный ноль! – донеслось до Дженн раздраженное ворчание Энни. – Можно подумать, что... Ах, отлично! Спасибо большое!

Дженн смотрела, как Энни набирает дрова и ковыляет с ними к прицепу. Она с любопытством посмотрела на поленницу. Похоже, приезжая быстро с ней расправится. Вот только... Дженн вдруг поняла, что в утреннем воздухе не ощущается запаха дыма.

Она прошла к двери прицепа, заглянула внутрь и сказала:

– Дрова у тебя так и летят, а?

Энни повернулась на ее голос от низенькой печки, перед которой стояла на коленях.

– Было бы неплохо, блин, – проворчала она. – Они не горят. Я просто пытаюсь найти проклятушее полено, которое загорелось бы.

– Странно, – сказала Дженн. – Должны были бы гореть нормально.

– «Должны были бы гореть» и «горят» – это две совершенно разные вещи. Если ты увидишь, что из прицепа повалил дым, то знай: он у меня из ноздрей.

– Хочешь, я посмотрю?

– Добро пожаловать. Если сможешь заставить это дерьмо гореть... Извини за резкость, но я просто в ярости. И за ночь успела сиськи отморозить... Короче, тогда за мной завтрак.

Дженн рассмеялась:

– Отмороженные сиськи? Ох! – ахнула она. – Давай посмотрю на твою печку.

Глава 2

Дженн быстро осмотрелась в прицепе и сказала:

– Мрак! Зачем ты сюда въехала?

– Мне нужна здешняя вода.

Энни подобрала одно из двадцати поленьев, рассыпанных по полу у печи.

– Э-э... но это же остров? – изумилась Дженн. – Если ничего не изменилось, то вода тут всюду.

– Конечно. Да. Но мне нужна эта вода.

– Она всюду одинаковая.

– Вовсе нет, – возразила Энни и указала на печку, распахнутая дверца которой напоминала беззубый провал рта. – Так ты что-то в этих штуках понимаешь?

– Знаю, что надо выгрести золу, – сообщила ей Дженн после беглого осмотра. – Пока этого не сделаешь, в печке ничего гореть не будет. А как насчет выюшки? Ты ее вообще открыла? И готова спорить, что дымоход никто не проверял, а там небось птичьих гнезд набилось до крыши.

Энни тихо охнула, но не сдвинулась с места, чтобы решать все эти проблемы. Вместо этого она плюхнулась на грязную табуретку с металлическими ножками и безнадежно огляделась.

По мнению Дженн, вся атмосфера внутри домика говорила о серьезной угрозе для здоровья. Кроме табуретки, на которой устроилась Энни, обстановка состояла еще из одной такой же табуретки, вспоротой банкетки, покосившегося стола и заплесневелой кушетки, стоявшей под окном – настолько дырявым, что по подоконнику, похоже, выстроилась шеренга мха. Автоприцеп таил в себе множество смертельных угроз. Дженн стало любопытно, сколько собиралась здесь прожить Энни.

Она почесала в затылке и спросила:

– Хочешь, чтобы я наладила тебе печку?

– Ой, сможешь? – спросила Энни, моментально повеселев. – Я готова буду встать на колени и лобызать тебе туфлю. Только вот... я видела, как ты разминалась. Ты ведь собиралась сделать пробежку, да? То есть мне не хотелось бы тебя...

– Нет проблем. Пары секунд хватит.

Дженн вышла на улицу и схватила одно из погнутых ведер, которые использовала для отработки обводки. Вернувшись с ним к печке, она начала выгребать в него золу совком. Похоже, Энни решила, что совок и кочерга, пристроенные у печи, – это деталь интерьера. Судя по слою лежащей на них пыли, к ним уже много лет никто не прикасался.

Вычищая топку, она сказала:

– Здесь никто не жил... типа, всю мою жизнь. Уверена, что хочешь тут остаться? По моему, тут можно серьезно заболеть.

– Да уж, тут надо бы все привести в порядок, – согласилась Энни. – Но я вроде как надеюсь, что горячая вода, нашатырь, питьевая сода, хлорка и моющий порошок делу помогут.

– Либо так, либо вообще все взорвать, – сказала Дженн.

– Что, – подхватила Энни, – было бы неглупо.

Они рассмеялись. У Энни оказался приятный смех. У нее были ровные белые зубы и славная улыбка. Дженн решила, что приезжая ей нравится – и ей стало любопытно, сколько той лет. Явно намного больше, чем самой Дженн, но Дженн показалось, что они все равно могли бы подружиться. В этих местах, на острове, с друзьями было туго.

Под поленьями она заметила несколько газет и, вытащив их оттуда, показала Энни, как надо разводить огонь: сначала кладутся скомканные газеты, потом – щедрая порция сухих щепок, а уже сверху – поленья. Она взглянула на Энни, проверяя, запоминает ли она ее наставления, и Энни ответила улыбкой. Правда, Дженн вынуждена была признать, что женщине с номерными знаками Флориды, наверное, нечасто приходится разводить огонь.

Она встала и отряхнула руки. Энни протянула ей спички, но она заявила:

– Сначала труба.

Выйдя на улицу, она забралась на крышу прицепа и пробралась через мусор, который вместе с братьями много лет закидывала наверх. Труба обнаружилась именно там, где она ожидала, и на ней оказалось большое птичье гнездо. Убрав его, она крикнула в трубу:

– Полный вперед, Энни!

Через несколько мгновений в воздух вырвался порадовавший ее клуб дыма.

Внутри прицепа Энни стояла на коленях перед печкой и грела руки, словно молясь божеству огня. Дженн подбросила в пламя еще щепок и объяснила Энни, как сгребать угли на ночь, чтобы утром легче было затопить. Энни рассеянно кивнула, села на пятки и, глядя на Дженн, сказала:

– Я что подумала... Тебе, случайно, работа не нужна?

Работа Дженн всегда была нужна. Рабочие места в этой части острова были такой же редкостью, как и возможные друзья.

– Что за работа? Топить у тебя печку?

– Ха! И это тоже. – Энни неопределенно повела рукой. – Давай говорить прямо, Дженн. В этот прицеп нужно вложить массу труда. Кое-что смогу сделать и я, но не все, потому что мне надо заниматься и другими вещами. Не хочешь помочь? Понятно, что я заплачу.

Слова насчет платы радовали. А вот то, что придется торчать рядом с автоприцепом, – нет.

– Не знаю, – промямлила Дженн. – Может быть. Понимаешь, этот прицеп – такая помойка! И тратить кучу времени на то, чтобы привести его в порядок?... Не обижайся, но меня от него вроде как тошнит. Кстати, сколько ты отвалила за то, чтобы тут жить?

Когда Энни назвала ей цифру, Дженн уставилась на нее, разинув рот.

– Да тебя же надули! – объявила она. – Это же совершенно нечестно. Тебе надо разыскать Эдди Боддоу, и пусть он назначит нормальную плату.

С досадливой гримасой Энни осмотрела запущенное помещение.

– Но я вроде как сама виновата, что так поспешила.

– Спешка еще не означает, что тебя нужно было ограбить.

– Конечно. Но я же согласилась на его цену. Если я попытаюсь ее изменить, он может сказать, чтобы я перебиралась отсюда.

– Неплохая идея, если хочешь знать мое мнение.

Энни покачала головой.

– Я уже сказала: мне нужен Позешн-пойнт и мне нужна эта вода.

– Зачем?

– Ну... просто затем.

– Это что, какая-то тайна? Типа, у нас в проливе плавают йети, и ты приехала его сфотографировать.

Энни ответила не сразу, так что на секунду Дженн даже показалось, что она угадала, как бы нелепо ни звучало ее предположение. Она добавила:

– Или тут что-то доисторическое? Типа, наше собственное лох-несское чудовище?

Оказалось, она не так уж сильно ошиблась. Энни сдалась и сказала:

– К черту! Надо думать, ты рано или поздно узнаешь. Особенно если будешь на меня работать.

- Что узнаю?
- Будешь на меня работать?
- Ладно. Буду. Но ты должна мне платить.
- Я уже сказала, что буду. Договорились?
- Ладно, договорились. Ну, так зачем ты приехала?
- Энни бросила взгляд на дверь, словно опасаясь, как бы ее не подслушали.
- Я здесь из-за тюленя, – сказала она.

* * *

Довольно много времени спустя Дженн поняла, что в тот раз, когда Энни заговорила о тюлене, ей следовало сказать «притормози-ка!». Потому что тюлени бывают разные, но Дженн-то сразу поняла, что Энни говорит про одного-единственного. Эту самку тюленя звали Нерой. Она была угольно-черная, от кончиков ласт до макушки. И по какой-то причине, которую никто не желал упоминать, как бы ни велись расспросы, она уже давно появлялась в водах у острова Уидби, всякий раз в одно и то же время. Обычно она ошивалась у Сэнди-пойнт и небольшого городка Лэнгли: резвилась у местной стоянки яхт и тявкала на туристов, местных жителей и рыбаков, словно пловец, пытающийся привлечь их внимание. Но – и это было самой большой странностью ее поведения – она совершала заплыв от Лэнгли до Позешн-пойнт в один и тот же день, в одно и то же время, в один и тот же месяц года. Она задерживалась в водах Позешн-пойнт ровно на сутки, беспокойно плавая туда-сюда, стелая и взлаивая, словно брошенный пес. После этого она возвращалась в Лэнгли, проводила еще месяц-другой в водах за Аллеей волноломов, а потом уплывала куда-то до наступления следующего года, когда все повторялось снова. Для обитателей южной оконечности острова Уидби ее появления и исчезновения казались волшебными и совершенно таинственными. И, как догадывалась Дженн, жители южного края острова Уидби будут весьма недовольны, если узнают, что кто-то приехал сюда совать нос в их волшебство и тайну.

И потому Дженн сказала:

– Из-за тюленя? Какого тюленя? Зачем тебе тюлень понадобился? – словно не понимала, о каком именно тюлене говорит Энни.

Энни сказала:

– Брось. Не говори, будто ты про нее не знаешь. В Лэнгли... Так, постой-ка...

Она прошла к одной из своих коробок и вытащила картонную папку, из которой выбивались неаккуратно вырванные журнальные страницы. Открыв папку, она стала перебирать их, а потом выбрала статью с яркими иллюстрациями: какой-то праздник, дети едят мороженое, мужики в странных тюленьих костюмах, воздушные шарiki, ларьки – и транспарант над входом в парк с надписью громадными красными буквами: «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, НЕРА!!!»

Дженн поняла, что глупо делать вид, будто не знает, что это: один из праздников в Лэнгли. Кретины из городского совета устраивали праздники по любому поводу, заманивая туристов в прозябающие гостевые дома, кафе, галереи, бутики и сувенирные лавочки города. Нера была просто создана для городка, который встречал китов, праздновал скачки в коробках, использовал лам вместо верблюдов в рождественских живых картинках и ежегодно приканчивал одного из жителей в уик-энд «Раскрой тайну убийства».

Так что Дженн пришлось сказать:

- А! Так ты имеешь в виду Неру!
- Ага-ага. Я имею в виду Неру. А что, есть другой тюлень?
- Ну... нет. То есть... не совсем.

– Как это «не совсем»? – Энни ненадолго задумалась, а потом глаза у нее загорелись, и она воскликнула: – Господи, Дженн! Так он не один? Боже, вот это была бы удача!

Дженн нахмурилась. Энни явно что-то затевала, и это было связано не только с Нерой, но и с Позешн-пойнт. Если бы дело было только в Нере, приезжая бы поселилась в Лэнгли, где Нера проводила основную часть времени. Но она приехала на Позешн-пойнт и утверждает, что именно эти воды почему-то ей нужны! Тут что-то было не так, и Дженн спросила прямо:

– Зачем она тебе понадобилась?

– Нера?

– Ага, Нера.

– Да ни за чем на самом деле. – Поймав скептический взгляд Дженн, Энни добавила: – Ладно, есть две вещи. Одна – это возможность генетической мутации. А вторая и того лучше: вероятность открыть новый вид тюленей.

– А тебе это почему интересно? – спросила Дженн.

– Я – специалист по морской биологии, – ответила та. – Вернее, буду официально им считаться, если когда-нибудь закончу писать эту чертову диссертацию. А для этого мне нужен этот тюлень.

– Чтобы написать ее за тебя? Не думаю, чтобы она справилась.

– Ужасно смешно. Мне она нужна, чтобы доказать мою теорию. Или явить миру нечто новое. В любом случае я буду в шоколаде.

Энни объяснила все остальное – как Дженн предстояло узнать, в типичной манере, свойственной Энни Тэйлор. Она бегло касалась одной темы, обходила другую и приукрашивала третью. Дженн не знала точно, что именно это говорит об Энни, не считая того, что когда той что-то нужно, она умело заговаривает зубы, чтобы добиться своего. В результате будущий биолог стремительно сообщила, что у Неры либо редчайшее состояние, называемое меланизмом (сплошь черная, в отличие от сплошь белых альбиносов), либо генетическая мутация, либо же она – новый вид тюленя.

– Она немного напоминает тюленя Росса, – сказала Энни, – но в этом случае она оказалась очень далеко от своего ареала. Так что, на мой взгляд, она либо новый вид, либо мутант.

– Или противоположность альбиносу, – добавила Дженн.

– Угу. Но я ставлю на мутанта. Что для моих целей почти не хуже нового вида.

– Почему это?

– Потому что гребанные нефтяные компании по всему миру твердят, что их разливы не вредят природе. Нера – мой шанс доказать, что это не так. То есть посмотрите на факты: двадцать лет назад тут разливалась нефть, а сейчас у нас под рукой появился черный тюлень, который говорит: «Пожалуйста, посмотрите на меня и проведите кое-какие исследования».

«Исследования»? Все сигналы тревоги включились моментально.

– Никто не позволит тебе приблизиться к Нере, – заявила Дженн, – имей это в виду. И вообще – когда это тут разливалась нефть?

– Я же сказала: двадцать лет назад. Что-то около того. Тогда ею весь Позешн-пойнт пропитался. Ты не знала? Ну а откуда тебе знать? Сколько вы здесь живете? И вообще, сколько тебе лет? На вид... Тебе двенадцать?

– Эй! Мне пятнадцать! Понятно? И если бы здесь был разлив нефти, я бы об этом знала.

– Откуда? Его должны были убрать. Это место, конечно, жопа мира, но никто не допустит, чтобы трюмная нефть лежала на берегу двадцать лет. А это была именно она. Трюмная нефть. Самая страшная. Ее убрали бы за считанные недели – месяца за два или три. И через пару лет от нее и следа не осталось бы. Не считая морской жизни.

– Такой, как Нера.

– Такой, как Нера. Которая как раз и объявилась через год после разлива? Через два года? Я знаю, о чем это говорит. Так что мне надо посмотреть на нее поближе. Взять кое-какие образцы. Так или иначе она – подтверждение чего-то. Мне просто надо узнать, чего именно.

– Образцы? И не думай. Никто тебя к этому тюленю не подпустит, Энни!

– Да? – Энни взмахнула рукой с веселым пренебрежением. – Не сомневайся: это мы еще посмотрим.

Глава 3

Дженн попыталась что-нибудь узнать у отца насчет нефтяного разлива у Позешн-пойнт, но без всяких результатов. Вопрос, заданный маме, тоже ничего не дал. Папа был сосредоточен на подготовке к ежегодному Фестивалю пивоваров в Сиэтле, так что единственным ответом на ее расспросы было ворчание:

– Милка, разве не видно, что мне сейчас не до обсуждения древней истории?

Он был целиком поглощен огромной бутылкой с янтарным элем у себя в сарае. Ее мама погрузилась в ежедневное чтение Библии, так что ее ответом стала фраза о том, что Бог обращается к смертным через природные катастрофы. Когда Дженн попыталась возразить, что разлив нефти у Позешн-пойнт вряд ли может считаться природной катастрофой, Кейт ответила:

– Дженнифер, просто посмотри на смерчи, которые обрушились на Средний Запад в этом году, и задайся вопросом, не очевиден ли Божий гнев, когда дома разносит в щепки, а фургоны подбрасывает в воздух.

Это показало Дженн, что любой разговор с мамой будет содержать мало фактов, зато окажется обильно приправлен интерпретацией той части Ветхого Завета, которую она и ее друзья из прихода сейчас изучают. Все это убедило Дженн в одном: если она хочет узнать правду о давнем разливе нефти, ей придется заняться этим самой.

Для этого больше всего подходила школа, потому что дома не было ничего такого, что помогло бы ее расследованию. Вот почему на следующий день в школе в обеденный перерыв она отправилась к библиотечным компьютерам.

С технологией она тупила. Хорошо было бы иметь компьютер дома, но об этом не могло быть и речи: еда была намного важнее современных достижений эры высоких технологий. Конечно, она умела заходить в Интернет. И она знала про существование поисковиков. Но вот те приемы, которые нужны, чтобы найти именно то, что она ищет... Для этого нужны были более умелые руки. Ей понадобится помощник. Коротышка Купер – вот кто ей нужен.

Она отыскала его именно там, где рассчитывала: в библиотечной кабинке, за домашним заданием. Зачем тратить время на ленч, когда можно делать математику? Он корябал решение какой-то непонятной задачки и, как всегда, совершенно забыл обо всем вокруг. Когда Дженн похлопала его по плечу, он даже головы не поднял. В конце концов ей пришлось лизнуть ему затылок и почмокать прямо над ухом. Он вскочил с криком:

– Какого черта?!

При этом его румяное лицо зарумянилось еще сильнее, и он ладонью вытер мокрые пятна, оставленные Дженн.

– Чувак, мне нужна твоя помощь, – сказала она ему.

– В чем? Передаче инфекции воздушно-капельным путем?

Он шлепнул себя по шее. Он был умильным, словно щенок, – и таким же открытым и дружелюбным. Дженн знала его еще с детского сада.

– Ха! Тебе понравилось, и ты мечтаешь о добавке!

Она показала ему язык.

– Бэ! Говори это своей подушке!

– Именно на ней я хотела бы каждую ночь видеть твою голову. – Она захлопнула учебник по математике, а когда он попробовал протестовать, сказала: – Ты получишь «отлично». Тебе всегда ставят «отлично» и всегда будут ставить «отлично». Мне нужны твои мозги. А поскольку они прикреплены к твоему телу, тебе придется пойти со мной.

Он вздохнул, но пошел за ней, проворчав:

– Это с детского сада пошло, да?

– Что именно?

– Когда я тот единственный раз поделился с тобой молоком. Мы пили через одну соломинку. И ты сделала выводы о том, что это означает, и с тех самых пор пребываешь в заблуждении.

– И что ты хочешь сказать?

– Что ты мной не командуешь.

– Командую. Ты пытаешься это скрывать – и тебя нельзя в этом упрекнуть, потому что я невероятно популярная, но я все про тебя знаю еще со второго класса. Перестань с этим бороться. Видишь, дружище?

Она продемонстрировала ему кулачок.

– Что я должен видеть?

– Ты вот где у меня.

Он фыркнул, но улыбнулся.

– Так что тебе нужно?

Она усадила его рядом с собой за компьютер. Как она и рассчитывала, Коротышка разобрался во всем за считанные клики мышкой, перенес их назад во времени именно к тому, что утверждала Энни Тэйлор. Разлив нефти действительно был. Он произошел ночью, нефть вынесло на берег, и весь Позешн-пойнт был загрязнен. Самая тяжелая фракция нефти, мазут, оставлял следы на всем, к чему прикасался, и этот факт доказывало множество фотографий. Все произошло семнадцать лет назад. Энни Тэйлор не так уж сильно ошиблась в сроках.

– Отврат! – сказал Коротышка, когда они наткнулись на снимки утонувших чаек, подошедших крабов и испорченного берега. – Зачем тебе все это понадобилось знать? Готовишь доклад, что ли?

– Не-а. Знаешь, в жилой автоприцеп около нашего дома заселилась одна красотка. Вот она про это рассказала. Она говорит, что Нера – тюлень-мутант, вот из-за этого. Или она – новый вид.

– Новый вид – из-за разлива нефти? Мутант? Ну уж нет! – ответил Коротышка. – Двухголовые крабы? Креветки, похожие на дикобразов? Рыбы с глазами на хвосте? Вот это – мутанты. А черный тюлень? Вряд ли. Но даже если это мутация, то что с того? Она ведь здоровая, так?

– Это как-то связано с ее диссертацией. То есть с диссертацией Энни, а не тюленя. Я ведь даже не знала, что тут был разлив нефти, вот мне и стало любопытно.

– А. Ну, ладно. Мне можно вернуться к алгебре?

– Если сможешь заставить себя покинуть мое общество.

Он возмущенно закатил глаза:

– Сумею.

Он отправился обратно в свою кабинку.

Дженн вернулась к компьютеру и стала читать дальше и искать новые снимки. Ей удалось разыскать еще несколько, пройдя по ссылкам, и спустя несколько секунд она уже смотрела на Позешн-пойнт за два года до собственного рождения. Дом был на месте, сарайчик для наживки выглядел относительно новым – и прицеп, который заняла Энни Тэйлор, тоже стоял на своем месте, но был в хорошем состоянии, а перед ним был разбит аккуратный садик. Эта фотография была сделана до разлива. На снимке после разлива была похожая на деготь жижа, облепившая плавник, валуны и сам берег.

Дженн показалось странным, что никто никогда не говорил ей про тот разлив. Но, с другой стороны, он случился достаточно давно, и никаких его следов на Позешн-пойнт она никогда не видела – так с какой стати кому-то про него говорить. Тем не менее Дженн решила, что Энни будет непросто что-то сделать для своей диссертации на основе разлива

и Неры. Что до Дженн, то она вынуждена была согласиться с Коротышкой. Пусть Нера и черная, как кусок угля, но это оставалось ее единственной странностью.

Конечно, именно благодаря этой странности Нера и была ценной для острова Уидби в целом и для Лэнгли в частности. Горожане, владельцы магазинчиков и продавцы сувениров не захотят, чтобы кто-то лез к Нере. Волшебное ежегодное возвращение черного тюленя – это одно. А вот волшебное ежегодное возвращение мутанта – нечто совсем другое. В отношении Неры Энни Тэйлор придется быть очень осторожной, потому что никто не позволит ей портить жизнь самому тюленю или вредить его репутации, в силу которой он был наполовину волшебным и на две трети – почтовым голубем, неизменно возвращающимся в родную голубятню.

Шепот, донесшийся от двери, заставил Дженн прервать свои размышления. Она бросила взгляд в ту сторону – и ее настроение моментально испортилось: версия Вечной Любви в исполнении старшеклассников Южного Уидби заявила в библиотеку рука об руку, поглощенная своим тихим разговором. Они были островными Беллой и Эдвардом, только без крови и клыков. Дженн даже сумела бы смириться с их существованием, если бы парень когда-то не был одним из ее лучших друзей, а девица... ну той, кем была.

Бекка Кинг внушила Дженн глубокое омерзение с той секунды, когда в прошлом сентябре они впервые столкнулись на пароме, возвращаясь от Мукилтео на остров. А вот Деррик Мэтисон был приятелем Дженн с той поры, когда его, восьмилетнего, усыновила из какого-то приюта в Уганде семья островитян. Дженн совершенно не понимала, почему они стали парочкой. Деррик был высоким, спортивным и обалденным, с макушки роскошно выбритой головы до безупречных пальцев ног. Бекка была... Ладно, она скинула жирок, с которым объявилась на острове и за который Дженн прозвала ее Толстозадой Всезнайкой, но в остальном она оставалась такой же: отвратительно выкрашенные темно-коричневые волосы, очки в массивной оправе, словно пришедшие из прошлого века, бесформенная одежда – и столько косметики, что если даже она не собиралась выступать клоуном в цирке, то ей следовало бы об этом подумать. Объединяли их только мозги, которых у обоих были просто горы.

Они устроились за одним из библиотечных столов напротив друг друга, продолжая тихо переговариваться. Казалось, они сосредоточены друг на друге даже больше обычного, и когда до Дженн донеслись сказанные Дерриком слова, она моментально насторожилась, почуяв нечто любопытное. «Нет, в том-то и дело. Это меня тревожит. И это тревожило бы любого другого. И это встревожило бы тебя, будь все наоборот. Почему ты этого не понимаешь, Бекка?» Неужели – о ужас! – их райская идиллия нарушена? Хотелось бы надеяться. Если на пути истинной любви возникли колдобины, ей хочется первой об этом узнать!

К сожалению, ответ Бекки ничего Дженн не сказал. Она негромко проговорила:

– Это не имеет значения. Это ничего не значит – и не может значить. Почему ты этого не понимаешь?

– А как я должен это понять?

Он вскочил из-за стола.

– Деррик, ты обещал, что мы об этом поговорим.

Бекка протянула руку, и ее пальцы обхватили его шоколадное запястье. Дженн решила, что ему полагалось бы накрыть ее руку ладонью, но он этого делать не собирался. Он был страшно зол.

– Все наши разговоры заканчиваются одним и тем же! – яростно бросил он. – «Это ничего не значит».

– Потому что это действительно так.

Дженн хотелось заорать: «Что именно ничего не значит? Что, что именно, черт подери!» Но не успела она получить на это ответ – или хотя бы придумать, каким он мог

стать, – как Деррик стряхнул с себя пальцы Бекки и стремительно удалился из библиотеки, причем и гипс на ноге ему не помешал. Дверь ударила в стену с такой силой, что даже Коротышка поднял голову от своей задачки.

Что до Бекки, то она воззрилась ему вслед. Она медленно вытянула из уха наушник, который носила всегда – и на занятиях, и после них. Ей это позволялось – по причинам, которые Дженн так и не смогла выяснить. Казалось, эта мерзавочка накладывает на окружающих чары. Чего бы она ни захотела, она в итоге всегда все получала.

Дженн не могла устоять – и даже не пыталась. Она встала из-за компьютера и прошла к столу Толстозадой. Она подумала про себя, что может поспорить, что он к концу недели ее задницу бросит.

Бекка медленно повернула голову и посмотрела на нее:

– Можно подумать, для тебя это что-то изменит, – сказала она.

Дженн остановилась и воззрилась на нее.

– Ты чего это? – спросила она.

– Тебе не понять, – ответила ей Бекка.

Глава 4

Бекка Кинг знала, что Дженн Макдэниелс ненавидит ее из-за Деррика. Наверное, на это существовали и другие причины (не считая того, что у этой девицы была склонность вредничать просто так), но Деррик был главной. Вскоре после приезда Бекки на остров Уидби Деррик страшно неудачно упал – и именно благодаря его пребыванию в больнице у Бекки появилась возможность с ним познакомиться. С той секунды, когда она впервые увидела этого темнокожего паренька на пароме от Мукилтео, ее к нему тянуло. То, что он тоже почувствовал к ней влечение, по-прежнему оставалось для Бекки тем, чем было с самого начала: чудом.

Знакомясь с Дерриком, она не подумала о Дженн Макдэниелс и ее месте в жизни Деррика, и это было серьезной ошибкой. Вот только дело было в том, что рядом с Дерриком она чувствовала себя защищенной, понятой и принятой – что одна только ее внешность должна была бы сделать невозможным. Жирная корова, крашенные волосы, сильные очки, подведенные глаза, как у стареющей рок-звезды, подсевшей на наркотики... Все это было частью образа, который она должна была сохранять на этом острове в штате Вашингтон. И что совершенно не соответствовало тому, кем она была на самом деле.

Деррику каким-то образом удалось это увидеть – увидеть ее за тем фасадом, который она демонстрировала миру. Когда он оправился от травм и выписался из больницы, он ее отыскал. Он сделал ее жизнь терпимой в этом месте, где в начале осени ее оставила мать.

Теперь, к середине зимы, они очень сблизились, однако Бекка не могла впустить его в свою жизнь. Это делалось ради его собственной безопасности, но он об этом не знал. Сказать ему правду? Тогда развернется такая помойная яма, что их обоих захлестнет ее содержанием, и их отношениям придет конец. Что, конечно, заставит Дженн Макдэниелс сиять с макушки до самых кроссовок.

Как только Бекка вынула из уха наушник от глушилки, мысли Дженн стали громкими, словно объявления по школьному радио. За последние месяцы у нее чуть возросла способность улавливать случайные мысли окружающих, если их не забивала статика глушилки, и эти шепотки (так она начала их называть) помогали ей ориентироваться на острове. В отношении Дженн эти шепотки с самого начала дали Бекке понять, что эта девица решила стать ее врагом. Они схлестнулись уже на пароме в день приезда Бекки, а ее интерес к Деррику только ухудшил ситуацию. А когда Деррик ответил на этот интерес взаимностью... дело было сделано. Они с Дженн были совершенно разными. Как женщины, они были созданы одинаково, но на этом все и кончалось.

Бекка понимала, что ей не следовало показывать этой девице свою способность читать мысли, но она так расстроилась из-за Деррика, что ей было все равно. Он был совершенно невозможным, он ничего не хотел знать, он высказал требование, которое она не могла выполнить, он не желал видеть правду, не хотел понять, почему она не может рассказать ему все, что он пожелал узнать... И все остальное тоже, подумала она печально.

Дженн бросила на нее уничтожающий взгляд и удалилась из библиотеки. По дороге она остановилась перекинуться словечком с Коротышкой Купером и почему-то решила, что беднягу Коротышку нужно обслуживать: когда он поднял голову, она поцеловала его прямо в губы. Он не стал прямо уж ее отталкивать, но когда она закончила, спросил:

– Эй, какого черта?

Она ответила:

– Потом, чувак. И в другой раз побольше огонька.

Он густо покраснел, а она захохотала.

Бекка прекрасно понимала, что хотела показать Дженн: «У меня есть свой парень». А еще она знала, что это ложь. Но сейчас это не имело никакого значения, потому что главным было все то, о чем ей нельзя было сказать Деррику.

* * *

Дженн не выключила компьютер – и оставила его на том сайте, который смотрела в тот момент, когда Бекка с Дерриком зашли в библиотеку. Бекка села за него, но из любопытства сначала проверила, что именно читала Дженн. Оказалось, это были материалы о разливе нефти у Позешн-пойнт много лет тому назад. Бекку это не слишком заинтересовало. Может, Дженн решила заняться защитой окружающей среды.

Как бы то ни было, у Бекки было дело поважнее давнего нефтяного загрязнения – и оно звалось Джеффом Корри. Именно из-за него она оказалась на острове Уидби. Они с матерью скрывались от него. Не было ни дня, когда Бекка не боялась, как бы отчим не вылез из кустов там, где школьный автобус высаживал ее рядом с ее убежищем. И она раз в неделю наводила справки, проверяя, продолжает ли он разгуливать по Сан-Диего как совершенно свободный человек. Пока это неизменно было именно так.

Она провела уже ставший привычным поиск. Ей казалось, что исчезновение компаньона Джеффа, Коннора, кто-то уже должен был бы заметить. И не было никаких сомнений в том, что Джефф Корри замешан в исчезновении Коннора.

Первое оказалось верным. Наконец-то кто-то из родных Коннора начал поднимать шум из-за того, что компаньон Джеффа Корри по инвестиционной конторе в Сан-Диего исчез. Не отвечает на телефонные звонки, не реагирует на электронные письма, ничего не пишет на своей страничке в Фейсбуке, не вынимает писем из почтового ящика так давно, что там скопилось уже толстая пачка газет. И никто не открывает дверь, когда в нее звонят... Бекка нашла эту информацию, просматривая последние номера главной газеты Сан-Диего. Однако до сих пор никто не счел Джеффа Корри человеком, который имеет к этому делу какое-то отношение. Он утверждал, что находится в таком же неведении относительно местопребывания Коннора, как и все остальные.

«Ага, как же!» – подумала Бекка. Она прочла шепотки Джеффа как раз перед тем, как они с мамой сбежали – и все его мысли говорили о том, что он приложил руку к устранению Коннора. Эти же шепотки сказали, что Джефф Корри более чем готов перенести свое внимание на Бекку и ее мать, если они неудачно разыграют свои карты. Вот почему они разыгрывали свои карты до самого Вашингтона, сбегая от этого человека. Мама Бекки, Лаурель, продолжала разыгрывать их в канадской провинции Британская Колумбия, в городе Нельсон, куда она направлялась уже в тот момент, когда Бекка плыла на пароме на остров Уидби.

Вот только... все пошло не так, как они планировали, и теперь Бекка постоянно вынуждена была оглядываться, ожидая, что Джефф Корри снова появится на Уидби. Он разыскал ее здесь из-за мобильного телефона, травмы Деррика и полиции. Он ничего не добился и уехал, но это не означало, что он отступился. Это было не в его стиле.

Однако сейчас у него возникли проблемы в Сан-Диего, что Бекку только радовало. Пусть торчит там и пытается отвечать на вопросы о том, где сейчас Коннор. Рано или поздно у него закончатся отговорки. Его будут ждать арест, суд и тюрьма, и тогда Бекка с мамой наконец-то будут в безопасности. Однако до той поры она оставалась на острове Уидби и ждала, когда Лаурель вернется из Британской Колумбии. Она вернется, как только это перестанет быть опасным. Бекка напоминала себе об этом каждый день.

Это было только частью той информации, которую Деррик Мэтисон хотел бы получить о Бекке и ее жизни. Она не могла на него за это обижаться, но при этом ей нельзя было ничего

ему рассказывать. Отчасти это было нужно для того, чтобы ему ничего не угрожало. Однако отчасти это было вызвано тем, что его папа был помощником шерифа островного округа.

* * *

После школы Бекка почувствовала себя совершенно несчастной. До конца дня у них с Дерриком был еще один общий урок, и перед его началом она сказала:

– Давай не будем ссориться, ладно?

Она вложила пальцы ему в руку, чтобы они могли идти вместе – как всегда. Однако он не стал брать ее за руку и нырнул в класс, бросив только:

– Как скажешь, Бекка.

На уроке он смотрел только на учителя и столько писал, что Бекке показалось, будто он должен был зафиксировать все объяснения дословно. Когда она вышла из класса, то увидела его в самом конце коридора. Его остановила одна из руководительниц школьной группы чирлидинга, и их разговор потребовал множества улыбок и смеха, так что Бекка ушла. Сказать, что она чувствовала себя несчастной – значило бы сильно приуменьшить.

Она решила не ехать к своему убежищу в лесу на школьном автобусе. Ее жилище располагалось у шоссе, которое вело в соседний город, но она знала, что чуть позже сможет подъехать туда на одном из автобусов местной линии и все будет нормально. Сейчас ей хотелось оказаться подальше от всего, что было связано со школой, – и она прекрасно знала, куда надо пойти для того, чтобы отвлечься.

Прогулка для такой холодной погоды была очень длинной, но Бекка решила, что ничего с ней не случится. С тех пор, как она поселилась в лесу, она успела пережить три снегопада, бесконечные грозы и ураганные ветры. Пешая прогулка от Максвелтон-роуд до Клайд-стрит ее не убьет.

Идти по холмам, лесам и полям пришлось почти час, и к концу перехода в такую холодную погоду Бекка настолько промерзла, что даже кости заболели. Она пообещала себе, что в следующий раз, когда ей вздумается навестить женщину, жившую у прибрежной полосы под названием Сэнди-пойнт, она захватит в школу велосипед. Когда она добралась до серого дома, смотревшего на воду, то нажала кнопку звонка пальцами, которые уже давно потеряли чувствительность.

Пикап Дианы Кинсейл стоял у дома, но звонок в доме не разбудил ее собак. Не отреагировали они и на саму Бекку, когда она обошла дом и заглянула к ним в отгородку.

Там оказалось пусто. Однако пока Бекка осматривалась, радостный лай донесся от далекого края воды, и достаточно скоро Бекка уже увидела Диану, бросавшую теннисные мячики, чтобы собаки их приносили обратно. Женщина ушла далеко, к самому концу мыса, но Бекка узнала ее по мужской одежде и по походке. И по собакам: их было пять, в том числе изящный и молчаливый черный пудель по кличке Оскар. Он за мячиками не бегал. Диана сказала бы, что Оскар полагает беготню за мячиками недостойным занятием.

Бекка вышла на берег. Вдоль него расположилось несколько коттеджей: большинство опустели на всю зиму, но над некоторыми в ледяной воздух поднимались похожие на серебряные шарфы завитки дыма. Она обогнула несколько дюн, трава на которых исчезла до весны, и наконец вышла собственно на берег. Диана как раз швырнула один из мячиков, и все собаки, кроме Оскара, бросились за ним.

Однако, возвращаясь обратно к Диане, собаки заметили Бекку. Она встала на колени и открыла им объятия. Они окружили ее, тыча холодными носами и обдавая запахом собачьей шерсти. Она со смехом воскликнула:

– Прекратите! Угощения нет! Уф! Заберите их! – хотя при этом наслаждалась их радостной встречей.

Она услышала шаги и, подняв голову, увидела подошедшую к ним Диану. На ее коротко подстриженных седых волосах была надета бейсболка, в ушах на солнце блеснули маленькие золотые сережки. На ней была теплая парка, перчатки и высокие резиновые сапоги. Она сказала:

– А, Бекка! Вот и ты. Мне так и казалось, что собаки кого-то ждут.

Глава 5

Бекка не удивилась. Она уже успела убедиться в том, что Диана обладает способностью знать самые разные вещи про людей и животных, всегда находясь в курсе того, что происходит на острове. А еще у нее не было шепотков, которые Бекка могла бы слышать – если сама Диана не хотела, чтобы Бекка их слышала, – так что ей с самого начала было не просто любопытно иметь с Дианой дело, но и захотелось ее понять.

Она спросила:

– Это был Оскар?

– Кто сказал, что он кого-то ждет? – Диана сняла бейсболку, взъерошила себе волосы, в потом надела кепку обратно. – Нет. Остальные. Они гонялись за мячом не с таким энтузиазмом, как обычно. А Оскар, конечно, никогда не гоняется за мячами, так что насчет ожидания кого бы то ни было остался непроницаемым.

Собаки бегали вокруг них, нюхая то песок, то карманы беккиной куртки.

– Я им сказала, что у меня нет для них угощения, – объяснила она Диане.

– Надежда умирает последней, – ответила Диана. – Ты как? Вид у тебя... Что-то тебя гложет. Надеюсь, у Дебби проблем нет?

Бекка постаралась как можно спокойнее отреагировать на напоминание о том, как солгала своей приятельнице. Диана считала, что Бекка продолжает жить в мотеле «Утес», где она первое время работала у владелицы Дебби Гриедер в качестве платы за комнату и питание. Так было, когда она только приехала на остров. Она понимала, что этот обман не получится поддерживать вечно, однако пока ничего другого она придумать не могла.

Она ответила:

– У Дебби все отлично, – что не было ложью. – И у ее внуков тоже.

И это тоже была правда.

Диана пристально посмотрела на нее и сказала:

– Тогда...

Резкий треск разорвал воздух, и собаки – в том числе и Оскар – залаяли. Диана резко развернулась на звук. Бекка тоже посмотрела в ту сторону. Они увидела мужчину с ружьем, который стоял на одной из каменных оград, отделявших коттеджи от берега. Он целился не в их сторону, а в направлении воды. Он сделал второй выстрел. Собаки залились лаем.

Диана проворчала:

– Идиот чертов! – и зашагала в его сторону, сказав: – Собаки! Молчать! Место! – добавив уже Бекке: – Подожди здесь. – После этого она закричала: – Эдди! Эдди Беддоу! Прекрати немедленно!

Однако даже если он ее и услышал, то виду не показал. Вместо этого он выстрелил в воду еще раз.

Он прервался на перезарядку – и в этот момент, видимо, услышал приближение Дианы. Он развернулся к ней, вскидывая ружье.

Тут Бекка забыла о приказе Дианы оставаться на месте и бросилась бежать по берегу на помощь подруге. Поступок Бекки стал сигналом и для собак. Они пронеслись мимо Дианы и окружили мужчину.

Он прыгнул со стены. Он был массивный и высокий – и производил впечатление человека, с которым никому не захочется связываться. Несмотря на мороз, на нем были только футболка и джинсы. На нем даже обуви не было – и не похоже было, чтобы холод его беспокоил. Бекка решила, что беспокоит этого человека его собственная голова. «Убить ее... хочу... пусть умрет... умри... умри!»... Эти шепотки раскалывались в воздухе вокруг него, словно льдины под ударом молотка.

Она предостерегающе окликнула Диану. Та махнула ей, требуя остаться на месте, и сказала:

– Собаки, собаки. Замолчите, собаки, – и подошла к мужчине, сказав довольно дружелюбно: – Послушай-ка меня, Эдди. Убери ружье, пока никого не подстрелил.

– Мне надо кое-кого подстрелить!

Он снова навел ружье на воду.

– Не глупи. Там? Во что ты целишься? В обломок плавника? Ты бы вернулся домой.

– Она там, – ответил он, резко кивнув в сторону воды. – Она уже вернулась, и на этот раз я обязательно...

– Там никого нет, – возразила Диана. – Никто не вернулся. А вот если ты случайно попадешь в кого-то на берегу, для тебя начнется настоящий ад. И ты это знаешь.

– Я и так в аду, – ответил он.

Однако он наконец опустил ружье, и Диана быстро подошла к нему ближе. Она забрала ружье, разрядила его и отправила патроны себе в карман. Вернув разряженное ружье, она приблизилась к нему вплотную.

– Эдди, – сказала она, – Эдди!

Голос у нее был грустным, но мягким. Она подняла руку и положила ладонь ему на плечо.

Бекка настороженно наблюдала за ними. Она готова была ринуться на этого мужчину, если он позволит себе что-то не то – и судя по щетиныщимся загривкам собак, они тоже были готовы это сделать. Однако Эдди больше ничего не пытался предпринять. Он как-то странно сдвинулся от одного только прикосновения Дианы. Он содрогнулся всем телом, и его позвоночник словно обмяк. Какое бы безумие им ни владело, оно ушло – хотя бы на время.

А потом он устремил на Бекку глаза цвета затянутого тучами неба, и она уловила: «Убью ее, когда смогу» – так ясно, словно он произнес эти слова вслух.

Дрожащим голосом она сказала:

– Диана!..

Диана сказала:

– Успокойся...

И Бекка вдруг поняла, что эти тихие слова были адресованы не ей.

* * *

Они дождались ухода Эдди Беддоу, и только после этого ушли с берега сами. Только когда его грузовик заполнил дымным выхлопом дорогу от Сэнди-пойнт до Уилкинсон-роуд, которая проходила выше, Диана сказала своим животным:

– Собаки уходят. – Улыбнувшись Бекке, она добавила: – И мы, девочки, тоже.

Пока они возвращались к ее дому над водой, она ничего не сказала о встрече с этим странным мужчиной. Вместо этого она говорила о других вещах: о луковичах, которые она высадила прошлой осенью в ожидании весны, и о том, что морозы творят с ее многолетниками. Только когда они пришли домой, накормили четырех собак на улице, а Оскара – в прихожей, Диана согласилась говорить о том, что произошло внизу, на берегу. Она поставила воду, чтобы выпить традиционную чашку чая, протянула Бекке кружку, взглянув на нее вопросительно, а потом положила в заварочный чайник три ложки своего любимого индийского чая. После этого она сказала Бекке:

– Наверное, ты гадаешь, что это было.

– Мне показалось, что он собрался тебя застрелить.

Диана кивнула в сторону углового места в своей ярко раскрашенной кухне: желтой, красной, оранжевой и зеленой. Она не боялась пестроты. Поставив на фиолетовый стол тарелку с печеньем, она присоединилась к Бекке с чайником и кружками.

– Он пытается убить тюленя, – сказала она.

– Ого! А разве это не запрещено законом?

– Запрещено, но он об этом не задумывается. Он думает только о том, чтобы застрелить то, что ему невыносимо видеть.

– И что же это такое?

– То же, что и для большинства людей. Последствия его собственных поступков. Он потерял в этих водах свой баркас. Он винит в этом тюленя. Все очень просто. Ну, настолько просто, насколько простым вообще бывает безумие. На самом деле он вышел в море в один из сильных зимних штормов. Он не справился с управлением – и к тому же забыл задрать транцы. Возможно, он вдобавок был пьян – но он в этом не признался. Как бы то ни было, баркас пошел ко дну, и ему еще повезло, что он смог выбраться на берег. Это случилось как раз там, – она указала на берег, откуда они недавно пришли, – и, по-моему, ему хочется считать себя жертвой, а не виновником своих собственных бед. Ну, это предпочли бы сделать большинство людей, верно? Такова уж человеческая натура.

– Тюлень, – пробормотала Бекка. – Ну, наверное, это лучше, чем обвинить другого человека.

Диана взяла свою кружку и посмотрела на Бекку поверх ее края. При этом она наклонила голову сначала к одному плечу, а потом к другому, словно говоря: «Может, и да, а может, и нет».

– Что? – спросила у нее Бекка.

Диана улыбнулась:

– Ничего.

– Неправда! Что-то есть. Я же вижу! Рассказывай!

Диана рассмеялась и снова взъерошила свою неровную седую стрижку.

– Просто, на мой взгляд, тюлени бывают разные. Ни в одного не следует стрелять, но некоторые... ну, некоторые – это такие создания, которых такому, как Эдди, следовало бы избегать из всех сил.

– Почему?

– Потому что они слишком важны, чтобы умереть раньше срока. Или получить рану. Или даже, Бекка, оказаться на берегу.

* * *

Больше ничего на тему о тюлене Диана говорить не пожелала. Когда Бекка попыталась настаивать, то получила такой ответ:

– Право, моя милая, больше ничего и нет. – Она долила себе в кружку чаю и сказала: – Мы с тобой довольно давно не виделись, так что я рада твоему визиту. Но что-то мне подсказывает, что ты пришла не просто так.

Бекка спросила себя, права ли Диана. В обществе Дианы Кинсейл она ощущала спокойствие – с первой их встречи, когда она только оказалась на острове. Так почему же ей сейчас понадобилось успокоение?

– Наверное, с Дерриком стало немного сложно, – призналась она. Диана ничего не ответила: только смотрела дружелюбно, ожидая пояснений. Бекка мало что могла ей сказать, не выдавая своего убежища, так что добавила только: – Отношения – дело сложное.

– Деррик – твой первый парень? Я имею в виду – первый настоящий парень.

– Наверное. И он... Он хочет такого, что я дать ему не могу. – Бекка поняла, насколько двусмысленно это прозвучало, и поморщилась. – Я не о сексе. Ну... то есть секс всегда присутствует, да? Но я не об этом. У нас ничего не было. Я просто... По-моему, я к этому не готова, и так ему и сказала, и он на меня не давит. Он не такой. То есть – такой, но нет. – Она замолчала, соображая, как ей все объяснить, и наконец выбрала вариант. – Иногда мы пара, а иногда – нет. Кажется, сейчас... наверное, нет.

– Это, конечно, больно, – сказала Диана. – Я знаю, как он тебе важен.

Деррик был не просто важен. Он был для нее почти что всем на свете. Да, Бекка любила его и хотела его. Но бывали моменты, когда она к тому же чувствовала, что она – это он, а он – это она. Казалось, будто временами они обменивались душами. Так что в сложные моменты ее душа куда-то пропадала. Бекка была уверена, что втайне Деррик чувствует то же самое. И она пыталась понять, что надо делать, если другой человек – это твоя душа. Когда душа злится на тело, в котором живет... что происходит дальше?

– Живешь с болью, – пробормотала Диана. – Господи! Я помню, каково это.

– Хуже некуда, – согласилась Бекка.

– Особенно когда единственный способ это пережить – пережить все это.

Диана протянула руку через фиолетовый стол. Несколько секунд она ничего не говорила, но, несмотря на это молчание, Бекке ее прикосновение принесло огромное утешение. И все-таки Бекка сказала:

– Иногда мне хочется, чтобы отношения между людьми не были такими сложными. Иногда мне хочется, чтобы жизнь была не такой сложной.

– Тут я с тобой согласна, – отозвалась Диана.

В ее тоне было нечто такое, что заставило Бекку пристально на нее посмотреть. С Дианой всегда ощущались какие-то подводные течения, намеки на то, что все не так спокойно, как может показаться. Тем не менее Диана никогда ни слова не говорила, в чем же заключается проблема, а так как Бекка не могла уловить ее шепотки, если сама Диана не хотела, чтобы их услышали, она понятия не имела о том, что именно в жизни Дианы Кинсейл может идти не так, как той хотелось бы. Бекка знала, что Диана давно вдовееет и не имеет детей, но этим все и ограничивалось. Больше ничего Диана не рассказывала.

Однако с самого начала что-то сказало Бекке, что у нее с Дианой много общих черт характера, и потому она по-прежнему продолжала навещать Диану, когда у нее появлялась такая возможность. Ее тянуло к Диане точно так же, как ее тянуло к Деррику. У нее было ощущение, будто им судьбой предначертано было встретиться. Она просто не знала, почему это так.

Диана потрепала ее по руке и отпустила.

– Я не видела у дома твоего велосипеда. Ты пришла пешком. – Когда Бекка кивнула, Диана поднялась на ноги. – Позволь, я отвезу тебя обратно в мотель.

Отвертеться от этого не получилось. Когда Бекка запротестовала, что везти ее в город не обязательно и что ей только полезно будет пройтись, Диана возразила, что на улице уже темно, что погода морозная и становится только холоднее. Слова Бекки о том, что она предпочтет идти пешком или даже бежать трусцой, не подействовали. В итоге Бекке пришлось сказать, что она будет очень рада доехать до города. При этом она мечтала о том, чтобы Диана не решила зайти в мотель и поболтать с Дебби Гриедер: тогда Бекка оказалась бы в крайне неприятном положении.

В результате выяснилось, что она тревожилась зря. По пути к двери Диана прихватила в прихожей список и сказала, что ей все равно нужно кое-что купить в «СтарСтор» в Лэнгли. Так что все было в порядке – и уже через несколько секунд пикап Дианы тархтел по холмистой дороге, носившей название «Сэнди-пойнт-роуд». Они больше не разговаривали: «Дикси Чикс» пели почти на полной громкости, а Диана им подпевала.

У мотеля Диана притормозила рядом с парковкой и попросила передать Дебби привет. Бекка пообещала, что передаст. Она сделала вид, будто идет к своему прежнему номеру, но, как только Диана скрылась за углом, направившись в город, она перелезла через цепочку рододендронов, отмечавших границу между парковкой мотеля и соседним пустырем. Быстро пройдя через пустырь, она поспешно зашагала в ту же сторону, куда поехала Диана. Ей необходимо было попасть на ближайшую остановку местного автобуса. К несчастью, эта остановка находилась рядом со «СтарСтор».

Расстояние было совсем небольшим. Ей надо было пройти по Каскад-стрит, тянувшейся вдоль высокого берега, на котором стоял городок Лэнгли. Под обрывом находился старый причал для яхт с пирсом, защищавшим немногочисленные суда от кипящих вод пролива Саратога Пэssidж. Вдали на материковом берегу мерцали огни города Эверетт. Ближе фонари Каскад-стрит заливали пятнами света первый из старинных коттеджей, отмечавших границу городка.

Вдоль улицы было припарковано необычно много машин. Двигаясь мимо них, Бекка заулыбалась: среди них оказалась машина, которую она узнала, восстановленный «жук» — «Фольксваген» 1965 года выпуска. Присутствие этого автомобиля означало, что ей не придется ждать автобуса и потом долго ехать к своему убежищу. Где-то в городе сейчас находился единственный человек, который точно знал, где именно Бекка поселилась, и она довольно хорошо представляла себе, где его найдет.

Глава 6

Это место называлось «Саут-Уидби Коммонз» и располагалось на Второй улице, которая отходила от Каскад на запад, а другим концом карабкалась к лесу за городской чертой. К несчастью, «Саут-Уидби Коммонз» также находился по соседству с тем магазином, куда направилась Диана Кинсейл, но Бекка чувствовала, что если быстро нырнет в дом, то достаточно быстро сможет отыскать Сета Дэрроу.

Сет Дэрроу был завсегдатаем «Саут-Уидби Коммонз» – древнего коттеджа, который превратили в местный клуб. Сад перед домом мог похвастаться столиками со стульями, клумбами и цветочными горшками, а еще там стояло несколько забавных скульптур для летних посетителей, купивших внутри кофе, чай и выпечку. В самом же коттедже располагались книжный магазин, художественная галерея и игровая комната с подержанными компьютерами. Галерею можно было превращать в зал собраний, которым изредка пользовались местные жители. И сегодня вечером, когда Бекка вошла в коттедж, галерея оказалась забита спорящими людьми.

От выплеснувшегося на нее шума слегка закружилась голова. Этот шум состоял не только из разговоров в галерее, но и шепотков десятков людей, находящихся во всем коттедже. В результате Бекка почувствовала себя так, словно ей в самое лицо сунули стену из ярких пятен, только в ее случае цвета принимали форму слов, типа «в этом году работали лучше... больше времени на туристов... осел, конечно... ей под юбку – она такая штучка... что он понимает... если у нее действительно задержка... хорошо бы»... и еще много разного. Она поспешно вытащила из кармана куртки наушник глушилки и вставила его себе в ухо, чтобы избавиться от шепотков. Благодаря этому она осталась только с тем, что говорилось вслух – и, разыскивая взглядом Сета Дэрроу, она невольно почти все слышала, поскольку в галерее дело дошло до крика.

Она посмотрела в ту сторону. В помещении галереи кто-то поставил белую доску. Там какой-то мужчина в очках с толстенными стеклами и густой шевелюрой, выбивавшейся из-под бейсболки, заносил на нее какой-то список. Собравшиеся предлагали, казалось бы, никак не связанные между собой вещи. Он записал «кормление с пирса» рядом с «лодочными прогулками», от которых вела стрелка к «возможности фотографировать» и еще одна – к «шансы на берегу». Вдоль одного края шла надпись «защита от косаток?», а понизу «рано – это плохо?». Бекка не понимала смысла ни одной надписи – и уже собралась было отвернуться, когда увидела среди собравшихся Дженн Макдэниелс.

Дженн сидела рядом с рыжеволосой молодой женщиной, которая делала какие-то записи и, казалось, пребывала в состоянии крайнего возбуждения. Бекка посмотрела им за спину и увидела, что на стенах помещения развешаны десятки изображений тюленей. Эти снимки, люди, крики и записи на белой доске заставили ее нахмуриться.

Она подумала, что между тюленями и Лэнгли имеются какие-то странные отношения. Похоже, что некоторые люди хотели оградить их от столкновений с людьми, тогда как другие желали кормить их с пирса. И к тому же все были готовы спорить из-за них, особенно из-за необычного черного тюленя, чье изображение вывели на белую доску за неимением настоящего экрана. Однако надписи, сделанные на белой доске, мешали рассматривать снимок в деталях.

Поэтому кто-то крикнул:

– Сотри это дерьмо, Торндайк! Нам ничего не видно.

Торндайком оказался мужчина в сильных очках. Он громко запротестовал:

– Эй, постойте-ка!..

Его протест потонул в хоре криков.

В этот момент Дженн Макдэниелс заметила Бекку. Девушка прищурилась и неприятно оскалилась, словно унюхала какую-то гадость.

«Точно, – подумала Бекка. – Это ты, ты, и только ты».

Дженн продемонстрировала средний палец в недвусмысленном жесте. Бекка отвернулась, чтобы ее не видеть. При этом она отвернулась и от той суматохи, которая царила в галерее. Сет наверняка где-то здесь, раз здесь его машина. Он встречался здесь с преподавателем, который готовил его к тестам по программе средней школы, и здесь же репетировало его трио.

Она начала пробираться мимо тех, кто не поместился в галерее, – и уже через несколько шагов ей повезло. Она увидела Сета: он шел в ее сторону из дальней части коттеджа, облаченный, как всегда, во фланелевую рубашку, мешковатые черные джинсы, сандалии на толстой подошве и мягкую фетровую шляпу. На нем были яркие носки ручной вязки, и в руке он нес футляр с гитарой. Это сказало ей, что либо репетиция закончилась, либо трио сдалось, не выдержав шума.

Из галереи донеслись крики:

– А вот и нет! Это не случайно и означает что-то плохое!

– Заткнись и сядь!

Сет поморщился и схватился за один из пирсингов в ухе. Тут он заметил Бекку и адресовал ей свой типичный кивок: вздернутый вверх подбородок, и больше ничего.

Подойдя к ней, он сказал:

– Ух! Я отсюда валю. А ты?

Он начал пробиваться к выходу, говоря кому-то:

– Потом.

Кто-то потянулся к нему от одного из столиков, и ему было сказано:

– Не, круто!

Бекка вышла следом за ним на улицу, где поднялся ветер. Надвигающийся вечер стал казаться еще более холодным. Она спросила:

– Что там происходит?

– Собрание тюленых наблюдателей.

– Кого?

– Компания со всего острова, которая каждый год высматривает странного тюленя. – Он ткнул большим пальцем себе за спину, указывая на людей, собравшихся в галерее. – И вот что я тебе скажу, Бекк: эти идиоты так себя ведут, словно конец света наступает. В этом году тюлень появился на несколько месяцев раньше, и, по их мнению, это означает что угодно, начиная с глобального потепления и кончая вторым пришествием Иисуса. – Он сдвинул шляпу на затылок и внимательно посмотрел на нее. – А ты что тут делаешь? – Он начал осматриваться. – Черт, Бекк, разве тебе можно вот так разгуливать по городу?

– Он все еще в Сан-Диего, – ответила она. – Я проверила по Интернету. Там наконец-то хватились его компаньона. «Где Коннор и почему он не забирает свою почту с сентября?» Ха! Если Джефф Корри сейчас уедет из города, ему сядут на хвост.

– Так тебе хочется думать, – сказал Сет. – И как ты собираешься добираться домой? – Поймав ее полный надежды взгляд, он рассмеялся и сказал. – Ладно. Пошли.

– Вот за что я тебя люблю! – воскликнула она. – Ты мои мысли читаешь.

– Ах, если бы, – отозвался он.

Глава 7

Когда Деррик Мэтисон выходил из городского медпункта, мимо его парковки прошли Бекка Кинг и Сет Дэрроу. Он ковылял к старому «Вольво» матери: облегченный гипс позволял ему передвигаться, но делать это было непросто. При виде них Деррику безумно захотелось кому-нибудь хорошенько вмазать.

Две вещи не дали ему наброситься на Дэрроу. Во-первых, его мама была у него за спиной: она как раз запирала медпункт на ночь. А во-вторых (и это даже не учитывая его заживающую ногу), какой в этом будет смысл? Да, он завалит Дэрроу. И – да, почувствует секундное удовлетворение, услышав, как Дэрроу шлепается на землю. Но потом ему придется иметь дело со своей мамой – и к тому же он ни на шаг не приблизится к тому, чтобы решить что-то с Беккой.

Разборка с мамой была бы неприятной. Ронда Мэтисон была чудесной мамой где-то в восьмидесяти процентах случаев. Она была на его стороне, в одной с ним команде, прикрывала ему спину... и что там еще. Она была такой с той первой минуты, когда встретилась с ним взглядом в том приюте в Кампале, когда ему было шесть лет. Ей и папе понадобилось два года, чтобы все подготовить для его усыновления, и все это время она не позволяла ему забыть о том, что она намерена быть его мамой, несмотря ни на что. Она надолго прилетала в Уганду, писала ему чуть ли не каждый день, тратила на звонки в приют огромные деньги. Она была что надо.

Но вот остальные двадцать процентов Ронды... В том-то и было дело. Он был темнокожий. Она – нет. Он оказался сиротой в пять лет из-за смерти родителей. С ней ничего такого не случалось. Она не понимала, каково порой быть черным на острове, который населен почти исключительно белыми. А еще она не понимала насчет черной дыры внутри его. Она что-то чувствовала, конечно, но не понимала. Чтобы не дать ему туда провалиться, она... ну, она хлопотала. Каждое крохотное изменение в его настроении попадало под ее микроскоп. Если он хмурил брови – она затаивала дыхание. Если ей казалось, что он унывает, она вставала в дверях его комнаты и предлагала мороженое, печенье, пиццу, массаж шеи и поездку в торговый центр. Ей просто невероятно сильно хотелось, чтобы он был счастливым, довольным, спокойным и благополучным. А он не мог. На то были веские причины, но ему меньше всего хотелось ей о них рассказывать.

Что до Бекки, то тут дело было даже хуже, чем с мамой. Она уже несколько месяцев занимала огромную часть его мыслей – с того самого момента, когда он вышел из комы в начале ноября, поймал на себе ее пристальный взгляд и почувствовал, как она сжимает его руку. Он и раньше знал: есть нечто особенное в этой девушке, которая показалась ему неотразимой с первого взгляда тогда, на пароме – с ее велосипедом, ее рюкзаком и переметными сумами. А еще он понимал, что они составляют очень странную пару – но это с самого начала было совершенно неважно. Важно было сблизиться с ней. Он хотел ее, конечно. Пятисекундный первый поцелуй – и он это понял. Даже ее голос по телефону говорил ему то же самое. Однако в отношениях с Беккой присутствовал не только секс. Это была связь, которой он не испытывал больше ни с кем.

Эта связь была важна. Ему хотелось, чтобы она усиливалась. С его точки зрения, связь укреплялась правдой и откровенностью. Она знала все его душевные тайны – и он не имел ничего против этого. Но они встречаются с середины ноября, а он практически ничего о ней не знает. Он говорил себе, что узнает ее со временем. Его мама и папа говорили то же самое. «Все люди разные, милый. Не надо так на нее давить», – вот как сформулировала это мама. «Не горячись, сын», – посоветовал ему отец.

Но как, к черту, он это делает, когда рядом крутится Сет Дэрроу? Он не знал. Просто не знал.

– Господи, но ведь моим лучшим другом может быть парень! – вот что сказала Бекка, когда он заговорил о Дэрроу.

– Дело не в дружбе с каким-то парнем, и ты это понимаешь, – возразил Деррик.

– Тогда в чем дело? Ты думаешь, что мы с ним пара или еще что? Ты мне не доверяешь? Речь об этом?

– Это ты мне не доверяешь, – заявил ей Деррик.

И с этих слов все пошло под откос. Они привели к тому, чего он хотел от нее, чтобы уравновесить их отношения. Она знала самую темную его сторону, ту тайну, которую он скрывал от всего мира. Он не знал ее самой темной стороны. А с декабря он даже не знал, где она, к черту, живет. Этого не знал никто, кроме одного человека. Дэрроу, конечно.

Когда Деррик увидел их на Второй улице, он понял, что Сет Дэрроу сейчас повезет ее домой. Они будут ехать в его «Фольксвагене», смеяться и болтать, а когда доберутся туда, куда едут, то, конечно, еще посмеются и поболтают. Деррик стиснул зубы. Когда его мама сказала: «Это же Бекка?» – и уже приготовилась ее окликнуть, он сказал: «Пошли», – прекрасно понимая, что его голос звучит сердито. Он почувствовал, как мать на него посмотрела.

Хорошо хоть Ронда не стала ничего говорить, пока они не оказались дома. Они жили около озера Гос-Лейк, прямо на западе от Лэнгли – но не на берегу среди окружавших его елей, а на соседней дороге, получившей свое название по этому озеру. Когда они остановились у дома, было уже совершенно темно. Машины шерифа на месте не было: значит, Дэйв Мэтисон еще на работе. Деррик подумал, что это даст Ронде время немного покопаться в его чувствах – и приготовился к худшему.

Ждать пришлось недолго. Она сказала:

– Ты не захотел окликать Бекку.

«Тоже мне открытие», – подумал он.

– Не хочешь об этом поговорить?

Он покачал головой.

– Вы с ней поссорились?

Он пожал плечами.

– Я знаю, что она очень много для тебя значит.

Ага. Она значит для него практически все, но какое это имеет значение? Он сказал:

– Все нормально, мам.

– Эй, я же вижу, что ненормально. Между вами что-то случилось?

– Не-а.

– Деррик, полно. Откровенный разговор помогает. Я тревожусь. Ты на себя не похож...

«Ты и так не знаешь, какой я», – подумал он.

– Я сказал: все нормально. Все отлично. Все просто прекрасно.

– Ты на себя не похож уже давно, и я знаю, что это как-то связано с Беккой.

– Отстань, мам.

– Отстать проще всего. Я не ишу легких путей. Дело в сексе?

– Черт! Какого дьявола...

– Потому что в вашем возрасте это, как правило, именно так.

– Мам...

– Секс очень сильно меняет отношения, Деррик. Он не может не изменить очень многое. Я вижу, что у вас двоих что-то не так... Вы были с ней близки?

– Что мне, к черту, сказать, чтобы ты...

– У тебя ведь есть презервативы? Ты знаешь, что всегда можешь получить их у меня, да?

– Мам! Прекрати. Прекрати! – Он резко распахнул дверцу машины и выскочил наружу, чуть не упав из-за того, что его гипс зацепился за пустой пакет из-под покупок. – Отстань, ради бога! – рывкнул он на нее. – Хоть раз в жизни, отстань, пожалуйста!

– Деррик, ты еще очень юный. Когда такое случается, чувствуешь себя отвратительно, но все всегда проходит. Ты должен понять, что...

Он захлопнул ее в машине. Он понимал, что позже за это придется расплачиваться, но сейчас ему просто надо было уйти.

* * *

Он ушел к себе. У него ныла нога – так порой бывало в конце дня – и он мрачно посмотрел на нее, гадая, когда ему наконец снимут этот гадский гипс. Ему оставалось две недели до получения водительских прав, когда он сорвался в лесу со скалы – и в такие вот минуты мысль о свободе, которую он обрел бы благодаря правам, заставляла его ненавидеть весь мир.

Он швырнул рюкзак на пол и рухнул на кровать. Вытащив из кармана мобильник, он проверил сообщения на автоответчике и эсэмэски. На автоответчике ничего не оказалось. эсэмэсок было две. Он невольно почувствовал радостное нетерпение. У Бекки не было мобильного – но она могла одолжить его у кого-нибудь, чтобы отправить ему сообщение.

Она этого не сделала. Первая эсэмэска была от его мамы – отправлена в середине дня. «Пицца вечером?» Он ее не заметил, а после того как она увидела Бекку, то явно забыла про это предложение.

Вторая была подписана «Корт». Он не сообразил, кто это, пока не прочел текст. «Встретимся? Завтра в клайд?» Сообщение прислала Кортни Бейкер!

Беззвучно присвистнув, Деррик воззрился на экран. «Клайд» – это кинотеатр в Лэнгли и... Что это Кортни сделала? Пригласила его на свидание? Деррик обдумал такую возможность. Сегодня у них был французский, и как раз в коридоре она спросила его про домашнее задание, и пока они разговаривали, она улыбнулась и поправила волосы – так девушки делают, когда хотят что-то сообщить без слов. Только... он не знал, что именно она хотела сообщить. Что ей забавно? Что он ее интересует? Что???

Ему захотелось ответить ей. «Да, бэби, давай! Будем сидеть в темноте и смотреть кино. Или ты можешь смотреть кино, а я буду смотреть на тебя. Я поглазею на твои сиськи и подумаю, как бы тебя потискать. Ты – лекарство от той болезни, которая во мне засела». Только это было бы ложью, и он прекрасно об этом знал. Он бы стал думать о том, как пощупать ее сиськи, и, возможно, это ненадолго его отвлекло бы. Но ничего не изменило бы.

Кто-то постучал ему в дверь. Он сунул телефон в карман и сказал:

– Да!

Дверь открылась, и в комнату заглянул Дэйв Мэтисон.

Вид у него был виноватый. Конечно, Ронда проинструктировала его относительно разговора с сыном. Запуская пальцы в свои темные седеющие волосы, он спросил:

– Все нормально, Дер? – Он кивнул в сторону кухни, из которой доносились звуки готовящегося ужина. – Твоя мама... ты знаешь, какая она бывает.

– Угу, знаю.

– И... что?

– И ничего. Она решила, что у меня что-то происходит. Ничего не происходит.

Дэйв бросил на него взгляд, и на лице его появилось выражение, которое говорило о том, что у него уже было двое взрослых детей и он по опыту знает, что такое их переходный

возраст. Правда, то были дети от его первого брака. Деррик был единственным ребенком его новой семьи.

– Ты для нее важен. Ты ведь это понимаешь, правда? Если она за тебя волнуется, то потому...

– ...что она фельдшер и много чего видела. Знаю, пап. Но ничего не происходит. Мне просто надо... Не знаю. Не знаю.

Дэйв несколько секунд молча стоял в дверях, а потом сказал:

– Ты мне ничем с ней не поможешь, сын?

– Никак не могу, – ответил Деррик.

Глава 8

Машина уже ехала в глубь острова, когда Бекке вдруг пришел в голову вполне закономерный вопрос.

– А откуда они знают, что это один и тот же тюлень? – спросила она у Сета.

Сет непонимающе хмыкнул и усилил обогрев салона.

– Ты сказал, что эти люди каждый год высматривают тюленя, и в этом году он появился раньше. Откуда они вообще знают, что это один и тот же тюлень?

Он бросил на нее быстрый взгляд, переключился на четвертую передачу и включил дворники из-за начавшегося слабенького дождика. Если еще на несколько градусов похолодает, то он перейдет в снег. Бекка надеялась, что такого не произойдет.

Сет сказал:

– Я все время забываю.

– О чем?

– Что ты и не местная, и не туристка. Будь ты местной, ты бы знала. Будь ты туристкой, ты бы видела открытку.

– С чем?

– С тем тюленем. Это самка, совершенно черная. Ее зовут Нера. Короче, она появляется в одно и то же время уже... Даже не знаю, сколько. В этом году она приплыла раньше обычного – вот все и взбаламутились.

– Почему?

– Потому что в честь нее устраивают праздник, а если она рано появилась, то может и уплыть рано, и тогда что будет с праздником, на котором она всегда плавает и выпрашивает подачки или еще что? Я бы сказал – нарядите кого-нибудь в костюм тюленя, и пусть плавает у пирса в Лэнгли и твякает. Но разве меня кто спрашивает?

Бекка связала это со всем тем, что происходило в этот день, и сказала:

– Сет, один тип... Эдди Как-его-там... не помню фамилию. Диана Кинсейл его знает. Он был на Сэнди-пойнт и палил из ружья по воде. Диана сказала, что он стрелял в тюленя.

– Похоже на Эдди Беддоу, – откликнулся Сет. – Он такой же странный, как и остальные. Из-за этого тюленя у многих крыша едет, Бекк. Спроси меня почему... я... не... знаю. – Тут он взглянул на нее и добавил: – На заднем сиденье лежит кое-что для тебя. Списанное из «СтарСтор». Ну, ты понимаешь. Я подумал, может, тебе пригодится.

Сет каждый день работал в магазине рано по утрам. Именно так Бекка с ним и познакомилась. Она обернулась назад и увидела пакет продуктового отдела.

– Сет! Спасибо тебе! – воскликнула она и схватила пакет. Там оказались просроченные продукты и несколько таких товаров, за которые Сет явно заплатил сам. Она сказала: – Я верну деньги.

Он подмигнул ей:

– Нет проблем. Я тебя угощаю!

Она построила ему рожицу. Он засмеялся, протянул руку и взъерошил ей волосы. Это напомнило ей, насколько он старше: девятнадцать лет по сравнению с ее пятнадцатью. Но он все равно был ей другом – ее лучшим другом, если на то пошло.

Немного проехав по шоссе, Сет свернул на Ньюман-роуд. Она шла на северо-запад и заканчивалась во Фриленде, относительно крупном коммерческом городе. Но задолго до этого он крутанул руль и остановил машину на разворотном полукруге. Примерно в двадцати метрах за ним от дороги отходила тропа, по которой надо было идти Бекке. Она подхватила рюкзак и пакет с продуктами и открыла дверцу.

– Спасибо. Я у тебя в огромном долгу, как и всегда, – сказала она, но, к ее изумлению, он тоже вышел из машины, предварительно вытащив из бардачка фонарик.

– Когда-нибудь потребую вернуть. Пошли, – сказал он.

– Тебе не обязательно...

– Нет проблем, – повторил он. – И потом, я хочу убедиться, что ты там все не разнесла.

«Там» было домиком на дереве, который построил сам Сет. Он стоял на переплетенных ветвях двух огромных тсуг глубоко в лесу, на огромном участке, владельцем которого был дед Сета и на котором он и сам жил. Ральф Дэрроу не подозревал о том, что Бекка живет на его земле с ноября. Сет помог ей держать все в тайне.

До прогалины, на которой росли тсуги, было минут десять хода. Темнота стояла крошечная, так что в итоге Бекка была очень благодарна Сету за сопровождение. У нее тоже был фонарик, который она откопала у себя в рюкзаке, но вместе с дождем начался и ветер, так что скрип ветвей ольхи, елей и кедров заставлял ее то и дело вздрагивать. Присутствие Сета, шагавшего впереди нее, очень успокаивало. А еще больше ее обрадовало то, что, добравшись до прогалины, он не стал останавливаться, а подхватил охапку хвороста, собранного под вывороченным корнем упавшего дерева. Донеся дрова до лестницы домика, он закинул их в люк, служивший входом.

Этот дом на деревьях с самого начала был необычным. Он был выстроен надежно, крепко сколочен и покрыт надежной крышей, которая не пропускала ветер, дождь и снег. А еще в нем были рамы с двойным остеклением, не позволявшие уходить теплу. В домике была дровяная печурка, согревавшая помещение, и именно здесь Бекка пряталась ночь за ночью, неделю за неделей, освещая комнату керосинкой, ночуя в расстеленном на металлической кровати спальнике, утоляя жажду одной только водой и приготавливая скудные обеды на примусе. Ее «ванной комнатой» служило припрятанное в кустах ведро – а еще у нее была лопата и грабли, чтобы закапывать то, что нужно было закопать. Это была суровая жизнь, где единственной возможностью принять душ были кабинки в школьной раздевалке при физкультурном зале, но она как-то выживала.

А еще это была жизнь, о которой хотел узнать Деррик.

– Где ты, черт побери, живешь? – начал требовательно спрашивать он. А еще он вопрошал: – Скажи, что у тебя с Сетом Дэрроу? Что, к дьяволу, происходит?

Она его в этом не винила. Она провела День благодарения у Деррика дома – в качестве его официально признанной девушки. Но когда пришло время уезжать, она отбыла так же, как и явилась: на своем горном велосипеде, отвергнув все предложения ее подвезти. Когда она поступила точно так же и в Рождество, Деррик начал задавать вопросы. И вопросов стало еще больше, когда он увидел ее в городе в «Фольксвагене» Сета.

Объяснение «мы просто друзья» Деррика не устроило.

«Никаких проблем нет», – пыталась убедить его она. Но, конечно, это была неправда.

Проблема существовала – и эту проблему представлял собой его отец. Поскольку Дэйв Мэтисон был помощником шерифа островного округа, он не стал бы закрывать глаза на то, что несовершеннолетняя живет одна в домике на дереве. И кроме того, осенью он шел по следу мобильного телефона, принадлежавшего некой Лаурель Армстронг. В конце концов он прекратил поиски, но Бекке совершенно не хотелось, чтобы он узнал не только где она живет, но и о том, что Лаурель Армстронг – ее собственная мать, с которой Бекка сбежала из Сан-Диего.

Ее скрытность стала тем, что вбивало между нею и Дерриком клин. То, что у него самого была тайна, которая была известна ей одной, еще сильнее ухудшало ситуацию. Ему хотелось, чтобы они были на равных. Ты все знаешь обо мне, а я все знаю о тебе. Но этого она допустить не могла. Она убеждала себя в том, что это для его же блага, но порой начинала сомневаться в том, правда ли это.

Оказавшись в домике, Сет сразу занялся печуркой. Это он научил Бекку сгребать угли, чтобы они сохраняли тепло, но у нее все равно это плохо получалось. Сегодняшний день не стал исключением. Холод в доме заставил его нахмуриться и приложить ладонь к печурке.

– Бекка! – укоризненно вздохнул он.

– Знаю-знаю.

Бекка принялась распаковывать продукты из «СтарСтор». Там оказались мясная нарезка, пакет молока, десяток вареных яиц, батон хлеба, два сэндвича и три рулона туалетной бумаги. Туда даже был положен журнал – старый номер «Пипл» с заголовком «Самый сексуальный мужчина мира!» на обложке. Она отложила его и взяла яйцо. Пока Сет растапливал печурку, она снимала скорлупу и наблюдала за ним. При этом она размышляла о том, насколько трудно разбираться в людях. С виду Сет казался кошмарным сном любых родителей. Он бросил среднюю школу, отрастил длинные волосы, постоянно растягивал дырку в ухе, вставляя туда все более крупную серьгу, а теперь еще, как она заметила, сделал пирсинг брови. Татуировок у него не было, но, наверное, они стояли на очереди следующим пунктом. И по первому взгляду на ее друга совершенно невозможно было догадаться, что он чудесный человек.

– Как твоя музыка? – спросила она.

Как только огонь разгорелся, он захлопнул дверцу печурки.

– Два выступления в Линвуде. И еще одно – в Шорлайне. – Он довольно ухмыльнулся. – Подбираемся к Сизтлу. Вот-вот, бэби.

– Что-нибудь новое написал?

– Угу.

– Круто. Послушать можно?

– Наверное. Если бы я мог играть на печке... но я не умею.

Она картинно нахмурилась.

– Не смешно! Ты прекрасно понял, о чем я. Когда у вас следующая репетиция?

– Не знаю. Скоро экзамены. Я вроде как на этом сосредоточился. Музыка – слова, мелодии – сейчас не главное.

– Понятно.

Она протянула ему одно яйцо.

– Это для тебя, – отказался он.

– Я тебе заплачу.

– Ужо, – согласился он. – А иначе я должок из тебя выбью.

Она понимала, что Сет шутит – хотя понимала и то, что не может и дальше брать от Сета деньги в виде тех припасов, которые он покупал для нее в последние два с половиной месяца. Это было нечестно, и единственным способом это исправить было устроиться на работу. Она сказала:

– Как скажешь. Но я не хочу, чтобы ты и дальше тратил на меня деньги.

– Как я уже сказал, свидания с тобой мне дешево обходятся, – ответил он. – Что у тебя сейчас с Дерриком?

Она поморщилась.

– Все то же. «Что у тебя с Дэрроу? Где ты живешь? Что происходит?»

– Наверное, тебе стоило бы ему все рассказать. Мне понятно, почему у него складывается неверное представление, Бекк. Парни все такие. Не обижайся на него.

– Я не обижаюсь. Я просто прошу, чтобы он поверил: то, что я ему говорю, – это единственное, что я могу ему рассказать. Он, похоже, решил, что мы с тобой тайно встречаемся. Вот еще!

– Э... спасибо.

– Я не то хотела сказать. Короче, сегодня он снова на меня взъелся, а потом я увидела, как он специально завел «дружеский» разговор с одной из девиц из чирлидинга. И он хотел, чтобы я их разговор видела, я это знаю. Он решил мне показать, что может заинтересовать любую девицу. А я и так это знаю. Я же не дура все-таки.

Слушая ее, Сет залез в рюкзак, который надел, выходя из машины.

– Из чирлидинга? – отозвался он. – Неприятно. – Он достал пакет сырного попкорна, разорвал его зубами и предложил: – Хочешь? Он просрочен, но ничто лучше попкорна не выразит мысль: «А шел бы весь чирлидинг мира в жопу!»

Глава 9

Дженн Макдэниелс решила, что веселого в роли экскурсовода, знакомящего Энни Тэйлор с Лэнгли, ничего нет. В итоге она оказалась в «Саут-Уидби Коммонз» вместе с Энни, потому что на этот момент у нее было всего два варианта: отправиться с Энни на собрание тюленых наблюдателей, про которое та прочитала в Интернете, или заставлять братьев убираться у них в комнате, пока ее мама готовит ужин, декламируя старательно заученные наизусть отрывки из Ветхого Завета. Из этих двух вариантов более привлекательными она сочла обязанности по ознакомлению Энни Тэйлор с Лэнгли. Однако сейчас Дженн уже сомневалась в том, что сделала правильный выбор.

В помещении было чертовски жарко. В тесную комнатку набилось слишком много народа, который кашлял и шмыгал носами из-за зимних простуд. А еще ей хотелось курить. Энни обещала пиццу после окончания собрания, но оно тянулось уже целую вечность, а никаких решений так и не было принято. Дженн не понимала, с чего столько шума. Угольно-черный тюлень появился раньше обычного. И это стало неприятным событием в жизни островитян – почему? Похоже, ни у кого на это ответа не было. И тем более его не было у Энни Тэйлор, которая все это время сидела и делала заметки, словно ей предстояло сдавать сложный экзамен по этой теме. В перерывах между записями в большом блокноте она наклонялась к Дженн и спрашивала: «Кто сейчас говорит?», или «Что она сказала, Дженн?», или «А о скольких тюленых наблюдателях вообще идет речь?», или «А за этим тюленем наблюдает не только эта организация?».

У Дженн подробных сведений относительно всего этого не было. Она смогла ответить только на один вопрос, о личности главного выступавшего. Это был Айвор Торндайк и, насколько Дженн знала, именно он и создал всю эту идиотскую организацию людей, высматривавших черного тюленя по всему побережью. У них были бинокли, подзорные трубы и конференц-связь. У них был свой сайт в Интернете, на котором постили записи про каждое движение этого тюленя. Чего у них не было, так это соображалки, презрительно подумала Дженн. Господи, до чего же ей хотелось закурить!

Пока она торчала в комнате, где шли странные споры по поводу наблюдений за тюленем, и гадала, когда же Энни Тэйлор это наконец надоест, она заметила Толстозадую Всезнайку, что еще ухудшило дело. Господи, хоть бы эта кретинка ушла на длинную прогулку по короткому пирсу! Как будто ей мало видеть ее уродливую ряшку в школе. От встречи с ней в городе Дженн так и тянуло блевануть. Когда Бекка ее заметила, Дженн показала ей средний палец и хохотнула, когда Толстозадиха это увидела и вылупила глаза. «Ты чего? – подумала Дженн. – Неужели не знаешь, что я с удовольствием отпинала бы твой жирный зад туда, откуда ты явилась? Черт: кажется, я это ясно показала с первого дня!»

Тут она увидела Сета Дэрроу. Толстозадиха явно искала именно его! Вот интересно: что это они творят? Зачем ей Сет понадобился? У нее есть Деррик – и ей еще мало?

Они ушли вместе – Бекка Кинг и Сет Дэрроу. Дженн дала им время исчезнуть. А потом ей на глаза попала готка из их школы – она ушла почти следом за ними. «Круто!» – подумала она. Если у кого-то здесь и можно стрелкнуть сигарету, так это у Огасты Севидж. Ей нравилось совращать окружающих. Дженн выскользнула из комнаты, чтобы ее догнать.

Ей повезло: Оагста как раз закуривала под ближайшим уличным фонарем. Два парня гота направлялись к ней со стороны небольшого публичного парка на углу Второй улицы и Антес-стрит. Но они были еще довольно далеко, так что Дженн рассчитывала выклянчить сигаретку до того, как эти парнишки доберутся до Огасты и отвлекут ее внимание своими сомнительными достоинствами. Оагста была довольно странная. Парни для нее были на первом месте. Если у них имелись нужные части тела, Оагсте этого было достаточно.

Дженн ее окликнула, а Огаста бросила в ее сторону равнодушный взгляд. В младшей школе они учились в одном классе, но, глядя на внешность и поведение нынешней Огасты, в это трудно было поверить. Тогда у нее были золотые локоны, красивые туфельки и колготки, которые правильно сочетались с множествами ее нарядов. Теперь она щеголяла с обритой наполовину головой и черными волосами, которые секлись так сильно, что больше походили на змеиные языки. К этому прилагались сплошные пирсинги, цепи и тяжелые башмаки. Она сделала вид, будто не узнает Дженн. «Ну и пожалуйста! – подумала Дженн. – Главное, дай сигаретку».

Она спросила у Огасты:

– Пары лишних не найдется?

– Пары чего? – спросила Огаста с таким видом, будто от скуки еле языком ворочает.

– Сигарет! – досадливо ответила Дженн.

– А! Сигарет! – откликнулась Огаста. – А я подумала, ты имеешь в виду сиськи. – Она растянула губы в медленной понимающей улыбке, устремив взгляд на несуществующую грудь Дженн. – Не собираешься подрасти? – осведомилась она. – У тебя хоть месячные-то начались?

Огаста картинно закатила глаза и запустила руку в черную торбу, висевшую у нее на плече. Достав сигарету, она переломила ее пополам:

– Больше нету, – объяснила она.

Тут к ним подошли двое парней-готов, и Огаста притянула одного из них к себе, зацепив ногой за его ногу. Второго она поцеловала так, что смотреть было противно. Дженн предоставила ей развлекаться и прошла к одному из уличных столиков «Коммонз». Там она закурила, получив хорошую порцию никотина. Это было вредно, так как снижало ее скорость на футбольном поле: если она планирует добиваться успеха в спорте, надо бросать курить. Но она курит с десяти лет – и это уже стало привычкой. Бросить можно и завтра. Закрыв глаза, она приготовилась наслаждаться запретным удовольствием.

Кто-то вырвал сигарету у нее из рук. Она раскрыла глаза: Коротышка Купер растаптывал сигарету на тротуаре. На ее возмущенный возглас он заявил:

– Замедляет рост, вызывает рак, создает морщины, делает зубы желтыми и портит дыхалку. Не говоря уже о том, как это сказывается на столь маловероятном шансе, что кто-то захочет тебя поцеловать.

– Я только что стрельнула ее у Огасты Сэвидж, – проворчала она.

– Кому пришло в голову назвать ребенка Огастой?

– Если бы мое имя было Фергюс, а все называли бы меня Коротышкой, я бы не стала ничего говорить про чужие имена, – одернула его Дженн.

– Тонко и забавно, подруга. И как ты вообще здесь оказалась?

– А ты что здесь делаешь?

– Кто первый спросил, тому и отвечают.

Она вздохнула. Коротышка был... такой Коротышка! Она рассказала ему про собрание. Коротышка сел за ее стол, уперся локтями в колени, покачал головой и сказал:

– Это единственное в мире место, где город устраивает собрание из-за тюленя.

– Это не городское собрание. Это Айвор Торндайк и тюленьи наблюдатели.

Коротышка хохотнул.

– Еще лучше! Это – единственный в мире остров, где люди вступают в клуб, чтобы разыскивать тюленя. – Он поднес к глазам воображаемый бинокль и пронзительно заверещал: – Джефффри, Джефффри! Скорее, смотри! Кажется, она уже приплыла! Будем сообщать в прессу? – Тут он опустил бинокль и более низким голосом продолжил: – Нет, пышечка моя. Ты смотришь на небольшую подлодку. К нам высаживаются террористы, но это не страшно. Если они не потревожат Неру, то все в порядке, милая.

Дженн невольно улыбнулась. Коротышка был прав. Остров Уидби часто походил на настоящий дурдом. В остальное время здесь было так скучно, что она боялась превратиться в камень раньше, чем ей удастся отсюда окончательно вырваться.

– Так что ты делаешь в городе? – снова спросила она у него.

– Пасу двойняшек.

Имелись в виду его единокровные брат и сестра, плод второго брака его отца со своей деловой помощницей, ради которой он бросил маму Купера. Их расставание вышло очень скандальным: старший брат Коротышки застукал папочку с деловой помощницей. И занимались они при этом отнюдь не делами бизнеса.

Дженн осмотрелась:

– И где же они?

– В «Клайде». Там фильм «Пиксара». «История игрушек, серия двадцать пятая: поиски Немо в глубинах рагу». Типа того. Я оставил их там с попкорном, «Эм-энд-эмз», леденцами и молочным коктейлем. Если я правильно все рассчитал, их кто-нибудь украдет ради всех этих лакомств. Надеяться на то, что их украдут ради них самих, не приходится.

Дженн рассмеялась:

– Ты монстр.

– Эй, красоткам всегда нравятся монстры. А вот такие славные парни, как я, когда я – нормальный я?.. Никому не интересно. Не считая тебя, конечно. То детсадовское совместное распитие молока нас объединяет.

– Или что-то еще, – откликнулась она.

– Когда выяснишь, что именно, дай мне знать.

Он поднялся на ноги.

– Куда ты теперь? Хочешь заглянуть на собрание?

– Этот тюлень! – сказал он, качая головой. – Думаю, лучше пойду в окна позаглядываю.

Он побрел прочь, сунув руки в карманы джинсов. В городке было мало возможностей убить время: разве только читать объявления на досках у кофейен, у почты и у входа в «Стар-Стор». Однако Дженн решила, что Коротышку Купера это не должно смутить. Скорее всего, он просто порешает в уме какие-нибудь задачки.

Ей пришлось вернуться в «Коммонз». Там Айвор Торндайк успел включить компьютер и теперь показывал всем самую последнюю фотографию тюленя. Он сообщал всем, что к берегу она пока не приближалась, а снимок был сделан к северу от Заповедника Джозефа Уидби: она подплыла к нему на такое расстояние, что можно было с уверенностью определить: это Нера.

Айвор сказал, что его тревожит здоровье Неры. Ее раннее появление может говорить о том, что она больна. Может, кто-то помнит, как в один год в проливе была стая дельфинов-афалин? Они были вне своей территории – и все погибли, никто так и не понял, почему.

– Мы же не хотим, чтобы такое случилось с Нерой! – заявил он.

Дженн подумала, что такое определенно испортило бы тюлений праздник, если, конечно, они не захотят сделать из тюленя чучело и носить по улицам в большом стеклянном гробу, словно останки какого-то святого. Дженн пробралась к Энни Тэйлор, которая щурилась на фотографию Неры, словно хотела разглядеть тюленя получше. Энни спросила:

– Кто-нибудь может примерно оценить ее возраст?

В сторону Энни повернулось несколько голов. Она была посторонней, а появление постороннего человека на собрании тюленьих наблюдателей было странным. Дженн подумала, не следует ли представить Энни собравшимся, но этого не понадобилось: Энни представилась сама. Она сказала, что она специализируется на морской биологии и что если ее помощь пригодится...

Айвор радостно заулыбался. Он взял с ближайшего стола пару брошюр и вручил их ей.

– Возможно, вы – именно тот человек, который нам нужен! – сказал он ей. – Давайте поговорим после собрания и посмотрим, так ли это.

Собрание закончилось тем, что все тюлени наблюдатели взяли на себя определенные обязательства. Раз Нера уже оказалась в их районе, что доказывал сделанный снимок, то вдоль всего ее маршрута, проходящего около западного берега острова, будут устроены постоянные дежурства. Все будут ежедневно выходить на связь в назначенные сроки и делать отчеты. Необходимо сообщать, где именно видели тюленя, в какое время ее видели, чем она занималась и на какое время задерживалась там, где появилась. Айвор велел докладывать обо всем, что покажется необычным. Для этого предлагалось использовать Интернет-сайт.

Дженн с досадой выслушивала подробные инструкции: она уже умирала с голоду. Пиццерия находилась на Первой улице – и она мечтала о большой пицце с колбасой, маслинами и грибами. Но когда собрание закончилось, Энни подошла к Айвору.

Она заговорила насчет раннего появления Неры и сообщила Айвору, что если тюлень болен, то помочь можно только одним способом. Ей понадобится лекарственная терапия, так что к ее лечению необходимо будет привлечь специалиста по диким животным. Он сможет оценить состояние ее здоровья, и пока она будет содержаться в неволе, появится отличная возможность взять у нее образцы для ДНК-анализа.

Тут Айвор Трондайк буквально взвился. Дженн уже побрела в сторону, когда его рык «К этому тюленю никто не прикаснется!» не только заставил ее обернуться, но и лишил Энни Тэйлор дара речи секунд на десять. В конце концов она промямлила:

– Никто не стал бы забирать ее с острова. Речь шла о том, чтобы устроить загон, где она была бы в безопасности, пока ее здоровье...

– Ни в коем случае! – отрезал Айвор. – Я не допущу попыток поймать этого тюленя.

– Господи! Можно подумать, она ваша собственность, – пробормотала Дженн.

Энни возразила:

– Ее не станут ловить. Послушайте, она ведь не случайно приплыла раньше обычного. Мне неприятно это говорить, но должна же быть причина тому, что она выглядит именно так, как она выглядит.

– Это еще что такое? – спросил Айвор, словно папаша, чье дитя оскорбляют. – Она выглядит так, как выглядела всегда! – Он махнул рукой в сторону белой доски, на которую был спроецирован снимок Неры в воде. – По снимку незаметно, чтобы она выглядела как-то иначе. Разве вы ее раньше видели?

– Я не говорю о том, как она выглядит в этом году по сравнению с прошлым годом. Я говорю о том, как она вообще выглядит: она же вся черная! Этому должна быть какая-то причина. Этот тюлень мог пострадать от...

– Этот тюлень ни от чего не пострадал! – заявил Айвор. – И не пострадает впредь из-за того, что ее поймали и стали на что-то проверять.

– О господи! – воскликнула Энни. – Она – не ваша собственность, мистер Торндайк! И судя по тому, что происходило на этом собрании, у меня создалось впечатление, что люди предпочли бы, чтобы она осталась жива.

– Не приближайтесь к этому тюленю! – взревел Торндайк.

Выражение лица Энни задавало те вопросы, которые возникли у Дженн. Один из них был «Почему это?» и второй: «Что для тебя значит этот тюлень?».

Часть 2. Леса Саратоги

Мир Силлы

Шли дни и ночи. Сначала я делала то единственное, что знала: следовала за поворотами идущей в гору дороги, чтобы уйти с того места, где меня оставили мама и папа. Я высматривала их. Я высматривала их серебристо-серую машину. Но когда я добралась до верхней точки дороги, там ничего не оказалось. И я пошла дальше.

Я иду на юг. Для меня существуют только свет и темнота. При свете я бреду вдоль дорог, которые мне попадаются, сворачивая направо или налево по велению чувств. Я иду вдоль скалистых обрывов. Я иду вдоль полей. Я иду через густые леса. Вот что я делаю при свете. В темноте я сплю. Я стараюсь найти укромное место, чтобы лежать там, никем не замеченной – и я пытаюсь не замерзнуть.

Когда я иду по обочинам, мимо меня проносятся машины. В дождь или снег они тормозят, и те, кто сидят внутри, опускают стекло и кричат: «Эй! Тебя не надо подвезти?» Но у меня нет слов, и я не отвечаю. «Надо, – думаю я. – Что такое «надо»?»

Меня гложет голод – и этот голод приводит меня на задворки одиноких домов, где в баках есть отбросы. В том единственном городе, куда я заходила, голод привел меня к бакам позади здания, где, судя по запахам, готовят и подают еду. Но после этого города других не оказалось, так что я просто иду.

Ночи длинные. Дни холодные и короткие. Иней припудривает столбы изгородей, которые мне попадаются. Он образует кожу на листьях кустов и на резных листьях папоротников в лесу. Земля от него твердая.

Я просто передвигаюсь от одного предмета к другому. Я ничего не ищу дальше того расстояния, которое мне видно. Я всегда жила в этом мире именно так – и понимаю, что именно так должна жить и теперь.

Меня подхватило течение, которое меня куда-то несет. Я ему не мешаю.

Глава 10

Как это ни странно, окончательный разрыв отношений Бекки и Деррика произошел в основном из-за задания по цивилизации Запада. Позже, вспоминая случившееся, Бекка никак не могла поверить, что нечто столь неважное, с ее точки зрения, сможет вышибить их на обочину.

Шаг первый: их учитель мистер Кит выдает задание: вы будете работать в парах, результат будет письменным и устным, и чтобы ничего из этого чертова Интернета я не видел, ясно? Вам дается шесть недель. И не сомневайтесь: я буду все проверять.

Шаг второй: распределение по парам. Естественно, всем хотелось получить в напарники Коротышку Купера, потому что по мозгам ему равных не было. Дженн Макдэниелс почему-то заорала: «Детсадовское молоко!», на что Коротышка ответил: «Я же тебе говорил! То-то», – и подтвердил, что они будут работать вместе.

Шаг третий: все стали поспешно подбирать кого-то, с кем можно нормально работать. В этот момент Бекка должна была бы пригласить Деррика, и пригласила бы Деррика, и хотела пригласить Деррика, но услышала, как он предложил Эмили Джой Холл объединиться, вот и все.

Шаг четвертый – ей в напарники достался Тод Шуман, потому что через тридцать секунд он стал единственным оставшимся. Уже одно это, вместе с его прозвищем Шуман Лишние Труссы, должно было что-то сказать ей про него, но даже если это так и было, выбора у нее не осталось. Ей нужен был напарник. Единственным напарником оказался Тод.

– В библиотеке на ленче, – сказал он ей на выходе из класса. – Высший балл одной левой. Все в шляпе, если ты не налажаешь. Моя часть? На пять с плюсом. Без проблем.

Вот только его шепотки были не такими уверенными, как его слова, – и они выдали план, который нисколько не умерил Беккины тревоги. «Кит... идиот, блин... Интернет, а как же иначе». Она читала его без всякого труда. Как и «пусть сама делает, потому что – нет уж...». Все это сопровождалось неискренней улыбочкой.

Она подошла к нему в библиотеке, как он и попросил. Библиотекарьши не было: за стойкой сидела мамочка-доброволец из родительского комитета. Когда они сели за один из столов, она посмотрела на них с подозрением и сказала:

– Никаких обжиманий, вы двое!

Тод сказал:

– Еще бы!

При этом он изобразил рвоту – на тот случай, если родительница его не поняла. При этом он еще подумал: «Лучше коровью лепешку поцеловать», – так что Бекке захотелось либо дать ему по уху, либо спросить, почему он считает себя таким неотразимым. Однако она заставила себя игнорировать его шепоток и взялась за тетрадь. Оставалось надеяться, что они смогут поделить работу так, чтобы ей не пришлось с ним встречаться до момента совместной презентации на уроке.

К несчастью, у Тода был «гениальный план», как он выразился. Задание состояло в том, чтобы предложить альтернативу завоеванию, которая обеспечила бы сохранение древних культур, разрушенных завоевателями-европейцами. Студентам предлагалось выбрать европейскую страну из числа существующих, а вот примитивную культуру и ее сохраненные традиции им предстояло придумать самим.

Тод радостно объявил, что никому не придет в голову выбрать в качестве европейского завоевателя Швейцарию. При этом у него был вид человека, ожидающего бурную овацию за это гениальное озарение. Так что они начнут со швейцарцев, ясно? Швейцарцы построят несколько кораблей и в 1500 году... ну или около того... отправятся покорять мир. Они

наткнутся на племя в Полинезии, или, может, в Патагонии, или даже в Антарктике, что будет просто отлично...

– Не думаю, – прервала его Бекка.

Тод уставился на нее.

– Типа... почему это?

«Страхолюдина тупая!»

Она прищурилась и на секунду стиснула зубы, стараясь успокоиться.

– Потому что Швейцария – континентальная страна, – объяснила она. – У них ни одного порта нет. С чего им строить корабли? Они что, понесут их через Альпы, или как?

Тод откинулся на спинку стула, и на его лице отразилось отвращение.

– Почему ты решила, что такая клевая? – спросил он. – Учти: это не так.

– А? А это тут при чем?

– Можешь придумать что-то получше? Так выкладывай, заучка.

«А как же!»

– Я просто хочу сказать... Послушай, мы же хотим получить приличную оценку? Ну, так ее не будет, если мы начнем с чего-то настолько невероятного.

– А кто сказал, что это невероятное? – возмутился он.

«Дура... думает, клевая... а сама уродливее раздавленной жабы» – вот что он хотел сказать на самом деле.

Бекка поспешно нашла свой наушник и затолкала его в ухо: иначе она боялась, что затолкает что-то куда-то еще.

– Я просто говорю, что надо бы выбрать что-то похожее на правду, Тод. Есть масса стран с морскими портами, так что нам нужно просто найти такую.

– В Швейцарии есть озера, дура!

– А это нам почему должно быть важно?

– Э? Да потому что на озерах есть корабли.

– И что эти корабли сделают? Переплывут через озеро на другой берег, чтобы одна часть Швейцарии смогла завоевать другую? Послушай! Я хочу, чтобы мы получили хорошую оценку...

– Типа, мне хорошей оценки не получить? Послушай, коровья лепешка...

– Но-но!

– Нет, ты перепутала, это говорят кобылам. Но! Ха-ха-ха! – Он резко отъехал на стуле назад. – Придумаешь что-нибудь получше – скажешь. А пока я пошел. Хотя бы один из нас должен начать работу над заданием, так что радуйся, что я согласился делать его с тобой в паре.

Она ошеломленно воззрилась на него, открыла было рот, чтобы ему ответить, но не смогла придумать ничего лучше, чем сказать, что парень, который даже собственное имя без ошибок написать не может, явно не чемпион.

– Ага, точно, – ответил он тоном человека, который выполнил все задания в тесте. А потом он вскочил и ушел из библиотеки.

* * *

А потом все моментально стало еще хуже. В библиотеку вошли Деррик Мэтисон и Эмили Джой Холл. Эмили Джой восторженно болтала, а Деррик слушал ее с полуулыбкой на губах. Эта полуулыбка при виде Бекки моментально исчезла.

Бекка не пожелала отворачиваться. Он на нее разозлился? Он не хочет говорить о том, из-за чего злится? Он хочет ее помучить? Он хочет заставить ее ревновать? «Отлично, – подумала она. – Давай, пробуй!» Она смотрела прямо на него – пока он первый не отвел

взгляд. Они с Эмили Джой устроились за три стола от Бекки: достаточно близко, чтобы она могла наблюдать увлеченный разговор Деррика с этой девицей. Они болтали, смеялись, а потом открыли тетради. Оба составляли какой-то список, который через две минуты сверили.

– Вот это да! – услышала она его слова. – Поверить не могу!

– Мы с тобой на одной волне! – восхитилась Эмили Джой.

– Да уж, наши мысли явно совпадают, – согласился он.

Больше Бекка выдержать не смогла. Она встала и подошла к их столу. Эмили Джой подняла голову: на ее радостном лице сияла улыбка. Бекка с ней поздоровалась, а потом обратилась к Деррику:

– Можно поговорить с тобой минутку?

– Мы вроде как тут работаем, Бекка, – запротестовала Эмили Джой.

– Это важно, – сказала ей Бекка, – и недолго.

Деррик спросил:

– Ну что?

– Не при всех, – ответила Бекка и прошла к полкам, надеясь, что он последует за ней.

Он так и сделал. Она вытащила из уха наушник. Рядом с Дерриком она почти никогда этого не делала, не жалея вторгаться в его мысли. Однако теперь дело дошло до того, что она перестала его понимать – а ей необходимо его узнать, добиться понимания и знания, пока еще не поздно.

«Нет уж... жаль, что она... доверия – вот... но она же не желает...» – вот что уловила она: это оказались такие же обрывки мыслей, какие она слышала и от остальных. Она заворчала от досады, спрашивая себя, когда именно и каким образом она сможет дойти до такого уровня, когда шепотки станут достаточно четкими, чтобы ей от них была хоть какая-то польза?

Деррик подошел к стеллажам и встал, скрестив руки на груди. Он был так близко, что она уловила его запах: почти несуществующий аромат горячего варенья. Она знала, что его источник – это не его тело, а те воспоминания, которые он старается отодвинуть как можно дальше. «Не понимает... на равных... не получится... признайся», – думал он при этом.

Она сказала:

– Мы могли бы работать вместе. Мы могли бы получить хорошую оценку.

– Я и так получу хорошую оценку, – ответил он ей.

– Ты же понимаешь, о чем я!

– Не-а. Не понимаю.

Она еще никогда не видела, чтобы его глаза были такими неживыми. «Не понимает... и не хочет». Это сказало ей, что он не просто зол. Боль, ревность, горечь, сожаление? Что с ним происходит?

Она сказала:

– Я не хочу с тобой ругаться.

– Мы не ругаемся, – ответил он спокойным тоном. – В какой-то момент ругались. А сейчас – нет.

– Тогда что происходит? Почему ты это делаешь?

– Я ничего не делаю. И ты тоже. В этом, типа, весь смысл.

Он отвел взгляд и посмотрел в сторону стола, за которым Эмили Джой молча что-то писала в тетради.

– И как это надо понимать?

– Как хочешь, Бекка.

У нее перехватило дыхание: его слова были такими же непреклонными, как и единственный услышанный ею шепоток: «Конец». Пересохшими губами она прошептала:

– Но у нас ведь все серьезно! У нас с тобой. У нас все по-настоящему.

Он снова посмотрел на нее – и она прочла все по его глазам еще до того, как он заговорил.

– Все в прошлом, – сказал он. – Между нами было что-то настоящее, но ничего не осталось. Не знаю, как для тебя, а для меня это так.

– Почему? – спросила она, услышав отчаяние в своем голосе.

– Мы дошли до черты, и дальше не получилось, – ответил он.

– Так дело в сексе? – изумленно спросила она.

Он чуть повернул голову – и выражение его лица изменилось. На нем отразилась смесь изумления и отвращения, а в голове у него проплыло: «... совершенно не в теме». Он тихо выругался и сказал:

– Не надо со мной играть, Бекка. Ты прекрасно знаешь, в чем дело.

– Ты меня бросаешь, да? – возмутилась она. – Из-за того, что я не стала говорить тебе, где живу? Ты вроде как... вроде как мне угрожаешь. Нет, не угрожаешь. Ты это делаешь. Я не захотела тебе говорить. И по-прежнему не говорю. И ты уходишь. Можно подумать, где я живу – это действительно важно. Мне казалось, что важно то, кто я – а не те сведения, которых ты от меня добиваешься и не можешь из меня вытянуть.

Он покачал головой.

– Сведения, Бекка, – это символ, ясно? Это... это симптом. А вот болезнь? Это нечто совершенно другое.

У нее защипало глаза, но она не собиралась показать ему, что плачет. Невнятно пробурчав: «Как хочешь!» – она протиснулась мимо него.

Ей оставалось только уйти. «Почему ты не можешь...» – долетело до нее на ходу, но этот шепоток, как и все другие, был никому не нужен. Как и она сама.

Глава 11

В скором времени Бекка стала свидетельницей Преображения Деррика – и ей пришлось задать себе вопрос, насколько хорошо она на самом деле его знала. Ей казалось, что он не такой, как большинство типичных старшеклассников. Она считала, что Африка сделала его иным. Ей казалось, что его вылепила смерть родителей, когда ему было пять лет, прозябание в картонной коробке в трущобах Кампалы в Уганде, а затем – жизнь в благотворительном приюте. Ей представлялось, что из-за этого он смотрит на мир по-другому. Оказалось, что это отнюдь не так.

Кортни Бейкер была кошмаром всех девушек. А еще она была живым воплощением того, о чем мечтал каждый парень: светлые волосы, голубые глаза, шелковистая кожа, не нуждавшаяся в косметике, великолепное тело, красивые руки с правильными овальными ногтями, превосходные ноги... А еще она была из тех девушек, которые приветливы со всеми: «Будущая королева выпускного бала», – сардонически думала Бекка. Но самое неприятное было то, что ни одно из ее качеств не выглядело фальшивым. Всего этого оказалось достаточно, чтобы, впервые увидев, как Деррик и Кортни болтают после уроков, Бекка поняла, что ее ждет.

Другие ребята могли считать, что у Мэтисона нет ни малейшего шанса, потому что Кортни была в одиннадцатом классе, а Деррик – нет. Однако возраст у них был одинаковый, и даже будь это не так, ясно было видно: для них имело значение только то общее, что у них нашлось. Они оживленно болтали. Они дружно засмеялись. Кортни легонько шлепнула Деррика по плечу после какой-то его фразы. Он радостно улыбнулся и подхватил ее рюкзак. Он дернул головой, приглашая ее идти, – и оказалось, что они двигаются совершенно синхронно: Кортни изменила походку, чтобы идти с ним в ногу.

Школа Южного Уидби осталась верна своим правилам, то есть все со всеми были знакомы и знали все про всех, так что по ней моментально распространилась Весть. Весть касалась Кортни и Деррика и заключалась в одном слове «парочка». Кто-то видел их вместе в кино, кто-то еще – в пиццерии. Они прокатились на катере по озеру Гос-Лейк, несмотря на холодную погоду, а когда мотор заглох, им пришлось ждать спасателей – но они радостно хохотали над тем, как сгруппировались. Они сидели в «Саут-Уидби Коммонз» за столиком и что-то пили. Они вместе ездили в торговый центр. Бекка понятия не имела, как им удастся проводить вместе столько времени, оставаясь при этом отличниками – но каким-то образом у них это получалось.

Ну что ж: значит, между нею и Дерриком все кончено. Это было безумно больно. Однако Бекка с удивлением обнаружила, что ее ранит не столько то, что Деррик ее игнорирует и что она видит его с Кортни. Гораздо больнее было видеть, как он меняется. Казалось, будто он отказался от какой-то части себя самого. Он убрал угандийский флажок, висевший на внутренней стороне дверцы его шкафчика в раздевалке, он отклеил фотографию уличного оркестра, в котором играл, когда жил в Кампале в приюте, он не пошел на концерт зимбабвийских исполнителей в местном культурном центре, который раньше ни за что не пропустил бы, и, что самое печальное, он перестал брить голову. Прежде гладко выбритая черная голова была символом его культурного наследия, заявляя всему миру о том, кто он на самом деле. Но когда он начал встречаться с Кортни Бейкер, то начал отращивать волосы. И эти изменения огорчали Бекку больше всего.

Он оставлял Африку в прошлом. В некоторых обстоятельствах для мальчишки, усыновленного американцами, это было бы вполне понятным, но для Деррика это означало нечто большее, чем просто шаг вперед. Это означало, что он оставляет кого-то в прошлом.

И этим человеком была не Бекка Кинг. Это была сестра Деррика Риджойс, которую он бросил в кампальийском приюте, когда его усыновили Мэтисоны. И, кроме Бекки, никто даже не подозревал о том, что Риджойс его сестра. Именно эту тайну хранила Бекка: то единственное, о чем Деррик не хотел говорить никому на свете. Именно эта тайна нарушила их отношения и вызвала их разрыв. Она знала его тайну, а он не знал, что от него скрывает она.

Ей казалось, что ее секреты не имеют никакого отношения к тому, кто она на самом деле. А вот тайна Деррика была важной частью его личности, и наблюдать, как он отвергает Африку ради чего-то там... Ей невыносимо было это видеть. Чутье говорило ей, что это неправильно. И чутье подсказывало, что ей необходимо его остановить.

* * *

Бекка уже сто лет не была в лесах Саратоги. Когда она жила в Лэнгли в мотеле «Утес» с Дебби Гриедер и ее внуками, туда было достаточно легко попасть. Но даже после того, как она освоила свой велосипед с двадцатью семью передачами, дорога туда была непростой: она состояла из сплошных подъемов и спусков, продувалась ветрами и почти всюду была узкой. Однако она была прямой, и из центра города до леса было всего несколько миль.

Теперь, когда она жила на достаточном удалении от городка, в лес ей приходилось ехать на бесплатном местном автобусе. Что ни говори, а это означало две поездки на автобусе и долгое ожидание на холоде – однако она решила, что ничто не мешает ей сделать то, что она должна.

Бекка отправилась в лес серым зимним днем в конце февраля, когда вода в Саратога Пэssidж полностью повторяла унылый цвет неба. Сойдя с автобуса, она вынуждена была еще немного пройти пешком, и потому зашагала по ухабистой обочине. Почва была замерзшей, а на лужах образовалась серебристая корочка льда. Достаточно скоро она уже добралась до леса, мрачной стеной нависшего над лугом, где травы полегли под ударами мороза, а промежутки между густыми елями означали тропы, уходившие в темный лес.

Она прошла к юго-западной части луга, где в лес уходила крутая тропинка. Земля была скользкой, так что она двигалась осторожно. Если она сейчас упадет, это будет нисколько не похоже на тот осенний день, когда здесь упал Деррик. Тогда она наткнулась на него, догоняя пса Сета. Если сегодня она свалится с обрыва, найти ее будет некому.

Поднявшись выше, она добралась до того места, откуда упал Деррик, получив серьезный перелом ноги. Бекка едва на него посмотрела. Она не совершает паломничество к тому месту, где он вошел в длительную кому. У нее совершенно другая задача – и ей надо было идти в противоположном направлении, по едва заметной тропке, которую между деревьями проложил сам Деррик.

Эту тропу никто посторонний не заметил бы: ее трудно было разглядеть, не зная о ее существовании. Она вела вверх по склону, где несколько упавших веток и ствол старой тсуги образовали низенький шалаш. Он казался хлипким, но на самом деле был весьма надежным: грозы и ветры придали ему дополнительную прочность. Бекка глубоко вздохнула, ухватилась за ствол ольхи и начала карабкаться вверх.

Добравшись до шалаша, она заползла внутрь и протиснулась к дальней стенке шалаша. Там она нашла сверток, аккуратно завернутый в несколько старых пластиковых пакетов и бережно убранный. Он лежал здесь уже целую вечность. Скованный гипсом Деррик не прикасался к нему с октября.

«Ну что ж, – решила Бекка, доставая сверток, – теперь он к нему прикоснется». И, прикоснувшись к нему, он обязательно увидит разницу между тем Дерриком Мэтисоном, которым он является на самом деле – и тем Дерриком Мэтисоном, которым он пытается

стать. Бекка уверяла себя, что дело не в Кортни Бейкер. Дело в том, чтобы Деррик оставался верен самому себе. Именно это ему необходимо.

Бекка спрятала сверток к себе в рюкзак. Она быстро вылезла из шалаша и ушла из леса. Когда она зашагала обратно к Лэнгли, уже начало смеркаться. Ей предстояло пройти несколько миль, но час был поздний, и она не стала рисковать, дожидаясь автобуса.

* * *

Она добралась до Лэнгли быстрее, чем надеялась: когда она трусила по обочине, пожилая женщина с фиолетовой прядью в волосах притормозила и предложила подбросить ее до города. Прогноз до мозга костей, она была счастлива забраться в машину, где на нее обрушились две таксы, популярные мелодии «АББА» и жар от включенной на полную мощность печки. Уже через пять минут она оказалась перед медпунктом Лэнгли, где, как она знала, Деррик обычно дожидался, когда у его мамы закончится рабочий день.

Он был в приемной один. Склонившись над тетрадью, он то заглядывал в книгу, то что-то записывал. Когда дверь открылась, он поднял голову. На секунду встретившись с Беккой взглядом, он снова вернулся к своим записям.

Бекка не стала останавливаться, чтобы услышать его шепотки. Она вынула наушник «глушилки» еще на обратном пути из леса, и сейчас не вернула его на место – но все равно не стала дожидаться и проверять, как он может ее встретить. Она боялась потерять решимость. Она пересекла комнату и села рядом с ним.

Он начал было вставать. Она положила ладонь ему на руку. Он запротестовал было:

– Эй, что ты...

Но больше Деррик ничего не успел сказать: в этот момент она открыла рюкзак и вытащила сверток – и он прекрасно понял, что находится внутри.

И тут она услышала от него: «Не может быть... она же... нет... теперь все... черт-черт-черт... вот что бывает... вот это да!.. говоришь о доверии...» Она легко могла бы завершить каждую отрывочную мысль, потому что понимала: все они относятся к тому, что лежит у нее на коленях. В свертке были десятки писем: их все Деррик писал Риджойс. Ей было пять лет, когда он от нее уехал. Ей еще не было трех, когда она осиротела – и она даже не знала, что он – ее брат.

Деррик сказал шепотом – таким яростным, что он ощущался как пощечина:

– Зачем ты их взяла? Какого черта... Ты даже права не имеешь...

– Это – то, кто ты есть, – сказала она ему. – Тот, от кого ты убегаешь. Именно потому я имею право.

– Ты сама не понимаешь, что говоришь! На что ты рассчитывала? Что я паду на колени, признаюсь в любви, буду умолять о прощении и...

– Мы тут ни при чем! – прошипела она. – «Нас» больше нет: ты позаботился о том, чтобы я это усвоила. Ладно. Я поняла. Это конец. У нас с тобой больше ничего нет. Но это – то, что я сейчас держу? Это касается тебя и твоей сестры.

– Заткнись! Заглохни!

– Не заткнусь. Ты уже восемь лет скрываешь Риджойс, а теперь и сам начал прятаться. Думаешь, я этого не вижу?

– Я же сказал: заткнись!

– Ты убрал флаг, ты спрятал фотографии, ты отращиваешь волосы, и все думают: «О, смотрите: он становится американцем!» А на самом деле...

– Уматывай отсюда!

Он вырвал у нее письма.

– Ты не можешь все время прятаться...

– Какого дьявола? – Он сунул письма себе в рюкзак. Такого сурового выражения лица Бекка у него еще никогда не видела. Он яростно прошептал: – Думаешь, тебе можно говорить мне насчет того, как что-то от кого скрывать? У тебя крыша поехала! Ушам своим не верю, блин! Я-то прячу всего лишь пачку писем. А вот ты...

– Вот что ты думаешь? Что это просто пачка писем? Прекрати! Даже не думай отговариваться. Ты прячешь собственную сестру. Ты делаешь вид, будто Риджойс не существует, ты скрываешь правду. Ты решил, что если превратишься в стопроцентного американского парня с хорошенькой блондинистой подружкой и...

– Так вот к чему все это! Я с Кортни, а ты...

– Ой, да прекрати! Не считай меня такой душой. Дело в тебе. Дело в Кампале. Дело в том, кого ты оставил – и в чем ты не можешь никому признаться.

– Заткнись! Заткнись. Отстань от меня, заткнись!

Бекка понимала: его ярость вызвана тем, что она произнесла имя его сестры вслух. Он испугался, что их услышат. Его страх был таким же, какими бывают страхи большинства людей: они боятся, что если признаешься в чем-то мрачном, окружающие начнут тебя презирать. Он не видит, что презрения будет заслуживать тот новый Деррик, в которого он постепенно превращается, тогда как до его преобразования речь могла идти только об одиночестве и страхе пятилетнего ребенка, оказавшегося бездомным в Кампале.

– Ладно, – сказала она. – Я замолкаю. Можешь делать все, что пожелаешь. У тебя есть свобода выбора. Действуй. Делай что хочешь. Но, может, при всей своей занятости ты все-таки решишь поступить правильно.

– И в чем это заключается, согласно Евангелию от Бекки? – спросил он.

– В том, чтобы сказать правду.

Он швырнул рюкзак на пол. Та же участь постигла его тетрадь и книгу, которую он читал.

– Ты просто потрясающая лицемерка! – бросил он ей. – Попробуй задуматься над этим вместе с остальными твоими размышлениями.

Бекка начала было ему отвечать – но в этот момент ее окликнули. Повернувшись, она увидела Ронду, мать Деррика: держа в руке какую-то историю болезни, она улыбалась ей из коридора, который вел в кабинеты.

– Мы по тебе соскучились! – приветливо сказала она. – Где ты прячешься?

Деррик посмотрел на Бекку, выразительно выгнув бровь. Его лицо говорило: «Вот твой шанс. Скажешь правду? Не думаю».

И, конечно, он был прав.

Глава 12

Деррик ничуть не удивился, когда Бекка со всех ног убежала из медпункта. Ей меньше всего хотелось говорить ему, где она прячется, так что она ни за что не стала бы обсуждать это с его мамой. Он даже чуть не засмеялся при виде того, как поспешно она отступила, когда Ронда задала ей этот вопрос. Конечно, его мама не имела в виду, что Бекка действительно где-то прячется – но то, что она и не подозревала, насколько близка к истине, делало ситуацию только смешнее.

Ему пришлось придумывать объяснение визита Бекки в медпункт: Ронда ни за что не согласилась бы замять этот вопрос. Однако ей надо было осмотреть последнего пациента, так что он успел состряпать вполне убедительную историю: когда она принялась за свои обычные расспросы, он уже был во всеоружии.

Бекка заглянула, чтобы задать ему вопрос относительно проекта, который они делают для занятий по цивилизации Запада, объяснил он маме. Ей дали в напарники Шумана Лишние Труссы.

– О боже! – воскликнула Ронда. Она знала Тода Шумана. Его все знали. Как все знали и то, почему у него такое прозвище. – Ей придется нелегко. А ты не захотел?..

– Нас распределили, – соврал он.

Когда они приехали домой, он прошел прямо к себе в комнату. Папа еще не вернулся с работы, а мама сразу отправилась на кухню готовить ужин. У него было несколько минут, пока она за ним не наблюдает. Он намерен был использовать это время на то, чтобы найти место, где можно было бы спрятать свои письма сестре.

Он предпочел бы оставить сверток в подвале, среди своих детских вещей. Вот только путь в подвал шел через кухню, а он не мог рисковать тем, что мама начнет спрашивать, зачем он направился вниз. Кроме того, она начнет кудахтать насчет того, что он собрался спускаться по шаткой деревянной лестнице с загипсованной ногой. Конечно же, он услышит от нее: «Давай я сама все сделаю, милый. Я не хочу, чтобы ты упал. Что тебе там нужно? Я моментально все принесу!»

Однако у него в комнате вариантов было не так много. Одежный шкаф? Куда ни шло. В ящики? Не обсуждается. Мама вечно раскладывает по ящикам выстиранное белье. Под кроватью? Вряд ли, из-за пылесоса. В старый «бобовый пуф»? Его уже три раза ремонтировали, и в последний раз на это ушло почти полтора метра скотча. Под заплатой пуф уже распался по швам, и мама приставала к нему с требованием выбросить «это старье».

А ему нравилось валяться на нем, надев наушники и включив музыку погромче. Он объяснял матери, что это – его личное пространство. Он сказал, что пуф уродливый, но уютный – и ему нравится. Из уважения к Деррику она к нему не прикасалась.

Короче, это было идеальное место для того, чтобы спрятать письма. Он оторвал скотч, а потом быстро достал письма из рюкзака. Они были сложены в старую коробку для завтраков со «Звездными войнами»: Деррик нашел ее в подвале несколько лет назад. Она принадлежала старшему сыну Дэйва Мэтисона и валялась, давно забытая, рядом с детскими бейсбольными перчатками, битами, шиповками и запылившимися спортивными кубками. Он стащил ее, чтобы уберечь письма от сырости, поскольку решил прятать их в лесу. Теперь, когда он отправит их в пуф, встанет вопрос о том, что делать с коробкой.

Он как раз пытался решить этот вопрос, когда писк телефона сообщил о приходе сообщения. Эсэмэска была от Кортни: «Заеду в 7?»

Он растерянно пытался понять, в чем дело. Неужели у них назначено свидание, о котором он забыл? Это было бы серьезным проколом. Конечно, явление Бекки с его письмами

к Риджойс выбило его из колеи – но все-таки не настолько, чтобы он забыл про свидание с Кортни!

Он потратил пару минут на то, чтобы сообразить, что к чему, чтобы не выставить себя полным идиотом. Завтра учебный день, так что настоящего свидания они назначить не могли. Может, они собирались вместе позаниматься? Не исключено, конечно. Какие еще были варианты? Баскетбольный матч? Нет, сегодня точно нет. Заседание клуба? Они ходят в разные клубы. Однако мысль о клубе помогла ему вспомнить, в чем дело. Не клуб – сегодня у Кортни группа по изучению Библии. Она ходит в нее каждую неделю, и уже три раза приглашала его к ней присоединиться. Он каждый раз отговаривался, оттягивая тот момент, когда ему придется прямо сказать ей, что он не из тех, кто читает Библию. Этим он отличался от нее: она читала Библию, ходила в молитвенный кружок – и посещение церкви было единственным вопросом, в котором у них не было единства.

Он написал ей: «Слишком занят. Алгебра задолбала. В другой раз? Ххххх!»

Ее ответ пришел только через десять минут. Короткое «ОК» говорило само за себя. Она была недовольна.

Он написал ей снова. «Извини. Жутко скучаю, крошка».

Новое ожидание – но на этот раз не больше двух минут. «И я. После группы?..».

Он прекрасно знал, о чем она: после чтения Библии они куда-нибудь заедут. Они припаркуются в одном из тысячи местечек на южной стороне острова, где можно спрятаться в темноте – и никто даже не догадается, что ты там. Пусть на улице и холодно, они друг друга быстро согреют.

Она его соблазняет. Ему достаточно было только подумать о том, чтобы что-то делать с Кортни – и он уже возбудился. Но вот Библия... Неужели он сможет сидеть и говорить про Библию, зная при этом, что потом они с Кортни будут вместе? Наверное, сможет. Но если это так – почему он не спешит воспользоваться тем шансом, который она ему дает? Он же этого хочет, так? Он же хочет остаться с ней в темноте? Она что-то ему позволяет, а что-то – нет. Ему можно трогать ее тут – но не тут. Можно целовать вот это – но не вон то. Ноги у нее гладкие, животик плоский, груди мягкие... Тогда какого черта он не делает того, что на его месте сделал бы любой? Не читает Библию, не идет в молитвенный кружок, не становится на колени, притворяясь, будто просит Иисуса-Господа-Будду-Или-Еще-Кого о мире во всем мире – или о чем там у них принято молиться? Ведь тогда, может, Кортни в темноте на заднем сиденье машины... Даст ведь, да? Или не даст?

Деррик застонал. Он плюхнулся на кровать и запихнул коробку для школьных завтраков подальше к стене. Кортни Бейкер так его задурила, что он в состоянии думать только о жарком давлении, нарастающем у него между ногами.

Он отрывисто хохотнул. Хорошо хоть, что Кортни удастся отвлечь его от мыслей о Бекке Кинг. Тут ей надо отдать должное. Она чертовски хорошо заставляет его забыть обо всем.

Он перекатился на бок и взял мобильник. «Голая», – написал он ей.

Она ответила: «!!!»

Его следующим посланием было: «???»

В следующий раз он получил от нее не слова, а снимок. Голый сосок. Она сбрендила! Он потянул вниз молнию, стянул с себя джинсы и плавки, сделал снимок... но отправлять его не стал. Вместо этого он написал: «От тебя без ума, но мне пора». А потом он стер сделанный снимок и несколько минут пялился на тот, который прислала ему она.

Похоже было, что она бывает двумя совершенно разными людьми. Она была той Кортни, которую все видели в школе: Кортни, читающей Библию, посещающей молитвенный кружок, дружелюбной, веселой Кортни с постоянной улыбкой на лице и радостным приветствием для всех знакомых. Но при этом она была и той Кортни, которая знала про

заросшую грунтовку на Серфейс-роуд, которая вела через лес к заброшенному домику: эта Кортни припарковала там свою машину, повернулась к нему и сказала: «Ты – самый клевый парень во всей школе», а когда он ее поцеловал – она ему ответила. А когда он ее трогал, она тоже его трогала. Она просунула ладошку ему под рубашку и гладила живот над поясом его джинсов.

Первым делом она спросила его – пока они еще ничего не делали:

– У тебя с Беккой Кинг все? Я спрашиваю потому, что не собираюсь забираться на чужую территорию. Но если у вас все, то я хочу получить шанс.

Он глуповато спросил:

– Шанс на что?

Она улыбнулась и ответила:

– Шанс быть с тобой.

Он открыл было рот, но не смог ничего сказать. Кортни Бейкер? Шанс? С ним? С трудом он выдавил из себя:

– Почему?

– Потому что ты необыкновенный – и даже об этом не подозреваешь. Я бы с тобой поцеловалась, хорошо?

Было ли это хорошо? Он не помнил. Она была совершенно ни на кого не похожа.

«Парень, так почему бы не сегодня? – спросил он себя. – Почитай часок Ветхий Завет или еще что, а потом... потом...» Чего он, черт подери, боится? Когда он успел стать таким рохлей?

«Хороший вопрос», – кисло подумал он. У него появилось ощущение, что ответом была эта невыносимая всезнайка по имени Бекка Кинг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.